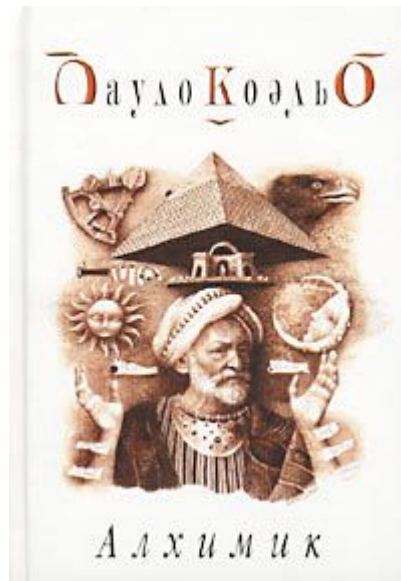

Пауло Коэльо
Алхимик

*«Алхимик»: София; М.; 2005
ISBN 5-9550-0064-X*

Аннотация

Одиннадцать лет жизни я отдал изучению алхимии. Уже одна возможность превращать металл в золото или открыть Эликсир Бессмертия слишком соблазнительна для всякого, кто делает первые шаги в магии. Признаюсь, что Эликсир произвел на меня впечатление более сильное, ибо до тех пор, пока я не осознал и не прочувствовал существования Бога, мысль о том, что когда-нибудь все кончится навсегда, казалась мне непереносимой. Так что, узнав о возможности создать некую жидкость, способную на многие-многое годы продлить наше земное бытие, я решил всецело посвятить себя изготовлению этого эликсира.

Считаю своим долгом предупредить читателя о том, что „Алхимик“ — книга символическая, чем и отличается от „Дневника Мага“, где нет ни слова вымысла.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одиннадцать лет жизни я отдал изучению алхимии. Уже одна возможность превращать металл в золото или открыть Эликсир Бессмертия слишком соблазнительна для всякого, кто делает первые шаги в магии. Признаюсь, что Эликсир произвел на меня впечатление более сильное, ибо до тех пор, пока я не осознал и не прочувствовал существования Бога, мысль о том, что когда-нибудь все кончится навсегда, казалась мне непереносимой. Так что, узнав о возможности создать некую жидкость, способную на многие-многие годы продлить наше земное бытие, я решил всецело посвятить себя изготовлению этого эликсира.

Это было в начале семидесятых, в эпоху великих социальных преобразований, когда еще не существовало серьезных работ по алхимии. Я, подобно одному из героев этой книги, тратил скудные свои средства на приобретение иностранных книг, а время — на изучение их сложного символического языка. В Рио-де-Жанейро мне удалось разыскать двоих-троих ученых, всерьез занимавшихся Великим Творением, но они отказались со мной встретиться. Познакомился я и с множеством тех, кто именовал себя алхимиками, владел лабораториями и за баснословные деньги сулил открыть мне тайны своего искусства; сейчас я понимаю, что они ничего не смыслили в том, чему собирались учить.

Мое усердие и рвение не давали абсолютно никаких результатов. Мне не удавалось ничего из того, о чем на своем замысловатом языке твердили учебники алхимии, заполненные бесчисленными символами: драконами, солнцами, львами, лунами. И мне постоянно казалось, что я двигаюсь не в том направлении, ибо символический язык открывает широчайший простор для неправильных толкований. В 1973 году, в отчаянии от того, что не продвинулся в своих штудиях ни на пядь, я совершил акт величайшей безответственности. В ту пору Управление образования штата Мату-Гроссу пригласило меня вести занятия по театральному искусству, и я использовал своих студентов для постановки „лабораторных“ спектаклей на тему Изумрудной Скрижали. Даром мне это не прошло, и подобные эксперименты вкуче с иными моими попытками утвердиться на зыбкой почве Магии привели к тому, что уже через год я мог на собственной шкуре убедиться в правдивости поговорки „Как веревочке ни виться, а конец будет“.

Следующие шесть лет моей жизни я относился ко всему, что имело отношение к мистике, с изрядным скептицизмом. В этом духовном изгнании я сделал для себя несколько важных выводов: мы принимаем ту или иную истину лишь после того, как сначала всей душой отвергнем ее; не надо бежать от собственной судьбы — все равно не уйдешь; Господь взыскивает строго, но милость Его безгранична.

В 1981 году я встретился с Учителем, которому суждено было вернуть меня на прежнюю стезю. Покуда он наставлял меня, я снова, на собственный страх и риск принялся изучать алхимию. Однажды вечером, после изнурительного сеанса телепатии, я спросил, почему алхимики выражаются так сложно и так расплывчато.

— Существует три типа алхимиков, — ответил он. — Одни тяготеют к неопределенности, потому что сами не знают своего предмета. Другие знают его, но знают также и то, что язык алхимии направлен к сердцу, а не к рассудку.

— А третьи? — спросил я.

— Третьи — это те, кто и не слышал об алхимии, но сумели всей жизнью своей открыть Философский Камень.

И после этого мой Учитель, относившийся ко второму типу, решил давать мне уроки алхимии. Вскоре я понял, что ее символический язык, столько раз сбивавший меня с толку и так раздражавший меня, — это единственный путь достичь Души Мира, или того, что Юнг называл „коллективным бессознательным“. Я открыл Свою Стезю и Знаки Бога — истины, которые мой интеллект прежде отказывался принимать из-за их простоты. Я узнал, что задача достичь Великого Творения стоит не перед немногими избранными, а перед всеми, кто населяет Землю. Не всегда, разумеется. Великое Творение является нам в форме яйца и флакона с жидкостью, но каждый из нас способен — в этом нет и тени сомнения — погрузиться в Душу Мира.

И потому „Алхимик“ — тоже книга символическая, и на страницах ее я не только излагаю

все, что усвоил по этому вопросу, но и пытаюсь воздать должное тем великим писателям, которые смогли овладеть Всемирным Языком: Хемингуэю, Блейку, Борхесу (он тоже использовал в одном из своих рассказов эпизод из истории Персии), Мальбу Тагану.

А завершая свое чересчур пространное предисловие и желая пояснить, кого относил мой Мастер к алхимикам третьего типа, приведу историю, которую он же поведал мне как-то в лаборатории.

Однажды Пречистая Дева, держа на руках младенца Христа, решила спуститься на землю и посетить некую монашескую обитель. Исполненные гордости монахи выстроились в ряд: каждый по очереди выходил к Богоматери и показывал в ее честь свое искусство: один читал стихи собственного сочинения, другой демонстрировал глубокие познания Библии, третий перечислил имена всех святых. И так братия в меру сил своих и дарований чествовала Деву и младенца Иисуса.

А последним оказался смиренный и убогий монашек, который не мог даже затвердить наизусть текстов Священного Писания. Родители его были люди необразованные, выступали в цирке, и сына они научили только жонглировать шариками и прочим фокусам.

Когда дошел черед до него, монахи хотели прекратить церемонию, ибо бедный жонглер ничего не мог сказать Пречистой Деве, а вот опозорить обитель — вполне. Но он всей душой чувствовал настоятельную необходимость передать Деве и Младенцу какую-то частицу себя.

И вот, смущаясь под укоризненными взглядами братии, он достал из кармана несколько апельсинов и принялся подбрасывать их и ловить, то есть делать то единственное, что умел, — жонглировать.

И только в эту минуту на устах Христа появилась улыбка, и он захлопал в ладоши. И только бедному жонглеру протянула Пречистая Дева своего сына, доверив поддержать его на руках.

Посвящается Ж.

Алхимику, который познал тайну Великого Творения.

В продолжение пути их пришел Он в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой;

у нее была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала:

Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне.

Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее.

Евангелие от Луки, 10; 38-42

Пролог

Алхимик взял в руки книгу, которую принес кто-то из путников. Книга была без обложки, но имя автора он нашел — Оскар Уайльд — и, перелистывая ее, наткнулся на историю Нарцисса.

Алхимик знал миф о прекрасном юноше, который целыми днями напролет глядел на свое отражение в ручье, любуясь своей красотой. В конце концов, заглядевшись, он упал в воду и захлебнулся. На берегу же вырос цветок, названный в память погибшего.

Но Оскар Уайльд рассказывал эту историю по-другому.

“Когда Нарцисс погиб, нимфы леса — дриады — заметили, что пресная вода в ручье сделалась от слез соленой.

— О чем ты плачешь? — спросили у него дриады.

— Я оплакиваю Нарцисса, — отвечал ручей.

— Неудивительно, — сказали дриады. — В конце концов, мы ведь всегда бежали за ним вслед, когда он проходил по лесу, а ты — единственный, кто видел его красоту вблизи.

— А он был красив? — спросил тогда ручей.

— Да кто же лучше тебя может судить об этом? — удивились лесные нимфы. — Не на твоём ли берегу, склонясь не над твоими ли водами, проводил он дни?

Ручей долго молчал и наконец ответил:

— Я плачу по Нарциссу, хотя никогда не понимал, что он — прекрасен.

Я плачу потому, что всякий раз, когда он опускался на мой берег и склонялся над моими водами, в глубине его глаз отражалась моя красота”. “Какая чудесная история”,

— подумал Алхимик.

Часть первая

Юношу звали Сантьяго. Уже начинало смеркаться, когда он вывел своих овец к заброшенной полуразвалившейся церкви. Купол ее давно обвалился, а на том месте, где была когда-то ризница, вырос огромный сикомор.

Он решил заночевать там, загнал через обветшавшую дверь своих овец и обломками досок закрыл выход, чтобы стадо не выбралось наружу. Волков в округе не было, но овцы иной раз разбредались, так что целый день приходилось тратить на поиски заблудшей овечки.

Сантьяго расстелил на полу свою куртку, под голову подложил книгу, которую недавно прочел, и улегся. А перед тем как заснуть, подумал, что надо бы брать с собой книги потолще: и чтения хватит на большой срок, и подушка получится пышной.

Он проснулся, когда было еще темно, и сквозь дырявую крышу увидел, как блещут звезды.

„Еще бы поспать”, — подумал Сантьяго. Ему приснился тот же сон, что и на прошлой неделе, и опять он не успел досмотреть его до конца.

Он поднялся, выпил глоток вина. Взял свой посох и стал расталкивать спящих овец. Однако большая их часть проснулась в тот самый миг, когда и он открыл глаза, будто какая-то таинственная связь существовала между ним и овцами, с которыми он уже два года бродил с места на место в поисках воды и корма. „Так привыкли ко мне, что выучили мои привычки”, — сказал он про себя. Потом поразмыслил немного и решил, что, может быть, все наоборот: это он научился применяться к овечьему распорядку.

Однако иные овцы вставать не спешили. Сантьяго дотрагивался до них кончиком посоха, окликал каждую по имени — он был уверен, что они отлично понимают все, что он говорит им. И потому он иногда читал им вслух то, что ему особенно нравилось в книжках, или рассказывал, как одинока жизнь пастуха, как мало в ней радостей, или делился с ними новостями, услышанными в городах, по которым ему случалось проходить.

Впрочем, в последнее время говорил Сантьяго только об одном: о девушке, дочке торговца, жившей в том городе, куда он должен был прийти через четыре дня. Он видел ее только однажды, в прошлом году. Лавочник, торговавший сукном и шерстью, любил, чтобы овец стригли прямо у него на глазах — так будет без обману. Кто-то из приятелей Сантьяго указал ему эту лавку, и он пригнал туда своих овец.

„Хочу продать шерсть”, — сказал он тогда лавочнику.

А у прилавка толпился народ, и хозяин попросил пастуха подождать до обеда. Сантьяго согласился, сел на тротуар, достал из заплечной котомки книжку.

— Вот не думала, что пастухи умеют читать, — раздался вдруг рядом с ним женский голос.

Он поднял голову и увидел девочку — истую андалусийку по виду: волосы черные, гладкие и длинные, а глаза такие, как у мавров, покоривших в свое время Испанию.

— Пастухам незачем читать: овцы научат большему, чем любая книга, — отвечал ей Сантьяго.

Так слово за слово они разговорились и провели в беседе целых два часа. Она рассказала ему, что приходится лавочнику дочерью и что жизнь у нее скучная и дни неотличимы один от другого. А Сантьяго ей рассказал о полях Андалусии, о том, что слышал в больших городах, по которым пролегал его путь. Он рад был собеседнице — не все же с овцами разговаривать.

— А где же ты выучился читать? — спросила она.

— Где все, там и я, — ответил юноша. — В школе.

— Отчего ты, раз знаешь грамоте, пасешь овец?

Сантьяго, чтобы не отвечать на этот вопрос, чем-то отговорился: уверен был, что она все равно его не поймет. Он все рассказывал ей о своих странствиях, и мавританские ее глазки от удивления то широко раскрывались, то щурились. Время текло незаметно, и Сантьяго хотелось, чтобы день этот не кончался никогда, чтобы лавочника одолевали покупатели и чтобы ждать

стрижки пришлось бы дня три. Никогда прежде не случалось ему испытывать такого, как в эти минуты, — ему захотелось остаться здесь навсегда. С этой черноволосой девочкой дни не были бы похожи один на другой.

Однако пришел ее отец и велел остричь четырех овец. Заплатил сколько положено и сказал, чтобы Сантьяго пришел через год.

И вот теперь до назначенного срока оставалось всего четыре дня. Он радовался предстоящей встрече и в то же время тревожился: а вдруг девочка уже позабыла его? Много пастухов гонит через их городок свой стада.

— Это неважно, — сказал он своим овцам. — Я тоже видел других девчонок в других городах.

Но в глубине души он сознавал, что это очень даже важно. И у пастухов, и у моряков, и у коммивояжеров всегда есть один город, где живет та, ради которой можно поступиться радостью свободно бродить по свету.

Уже совсем рассвело, и Сантьяго погнал отару в ту сторону, откуда вставало солнце. „Хорошо овцам, — думал он, — ничего не нужно решать. Может быть, поэтому они и жмутся ко мне“. И вообще ничего не нужно — были бы вода и корм. И куда он знает лучшие в Андалузии пастбища, овцы будут его лучшими друзьями. Пусть дни неотличимы друг от друга, пусть время от восхода до заката тянется бесконечно, пусть за всю свою короткую жизнь они не прочли ни единой книги и не понимают языка, на котором люди в городках и селах пересказывают друг другу новости — они будут счастливы, куда им хватает воды и травы. А за это они щедро отдают человеку свою шерсть, свое общество и — время от времени — свое мясо.

„Стань я сегодня диким зверем и начни убивать их одну за другой, они поняли бы что к чему лишь после того, как я перебил бы большую часть отары, — думал Сантьяго. — Они больше доверяют мне, чем собственным своим инстинктам. И только по той причине, что я веду их туда, где они найдут корм и воду“.

Он сам удивился тому, какие мысли лезут ему сегодня в голову. Может, это оттого, что церковь, где в ризнице вырос сикомор и где он провел ночь, была проклята? Сначала ему приснился сон, который он уже видел однажды, а теперь вот поднялась злоба на верных спутниц. Он глотнул вина, оставшегося от ужина, плотнее запахнул куртку. Он знал, что всего через несколько часов, когда солнце окажется в зените, начнется такая жара, что ему не под силу станет гнать овец через пустошь. В этот час вся Испания спит. Зной спадет лишь под вечер, а до этого ему предстоит таскать на плечах тяжелую куртку. И, как всегда, когда он собирался посетовать на это, ему вспомнилось, что именно она каждое утро спасает его от стужи.

„Надо быть готовым к сюрпризам погоды“, — подумал Сантьяго, испытывая благодарность к своей куртке.

Итак, куртка имела смысл и цель, как и ее обладатель, обошедший за два года странствий по плоскогорьям и равнинам Андалусии все города этой области. Целью Сантьяго были путешествия. Сантьяго собирался на этот раз объяснить дочке суконщика, каким это образом простой пастух знает грамоте. Дело было в том, что до шестнадцати лет он учился в семинарии. Родители хотели, чтобы он стал священником. Простые крестьяне, работавшие за харчи, хотели гордиться своим сыном. Сантьяго изучал латынь, испанский язык и богословие. Однако с детства обуревавшая его тяга к познанию мира пересилила стремление познать Бога или изучить грехи человеческие. И однажды, навещая родителей, он набрался храбрости и сказал, что священником быть не хочет. Он хочет путешествовать.

— Сын мой, — сказал ему на это отец, — через эту деревню проходили люди со всего света. Они искали чего-нибудь нового, но сами оставались прежними. Они доходят до замка на холме и понимают, что прошлое лучше настоящего. У них могут быть белокурые волосы или черная кожа, но они ничем не отличаются от наших с тобой односельчан.

— Однако я-то не знаю, какие замки в тех краях, откуда они родом, — ответил Сантьяго.

— И люди эти, когда приглядятся к нашим полям, к нашим женщинам, говорят, что хотели бы остаться здесь навсегда, — продолжал отец.

— А я хочу повидать другие земли, посмотреть на других женщин. Ведь эти люди никогда не остаются у нас.

— Для путешествий нужны большие деньги. А из нашего брата на одном месте не сидят только пастухи.

— Что ж, тогда я пойду в пастухи, — сказал Сантьяго.

Отец ничего не ответил, а наутро дал ему кошелек с тремя старинными золотыми:

— В поле однажды нашел. Считай, с неба упали. Купи себе отару овец и ступай бродить по свету, пока не поймешь, что наш замок самый главный, а краше наших женщин нет нигде.

И когда он благословлял сына, тот по глазам его понял, что отцу, несмотря на годы, самому хочется отправиться в странствие, — хочется, как ни старался он заглушить эту тягу, утешаясь благами оседлой жизни: едой, питьем и крышей над головой.

Небо на горизонте уже наливалось багрянцем, а потом вошло солнце. Сантьяго вспомнил разговор с отцом и развеселился: он уже повидал множество замков и множество красавиц, ни одна из них, впрочем, не могла сравниться с той, которую он встретит через два дня. У него имеются — куртка, книга, которую всегда можно обменять на другую, отара овец. Однако самое главное — то, что исполняется самая его заветная мечта: он путешествует. А когда ему наскучат поля Андалусии, всегда можно продать овец и стать моряком. К тому времени, когда ему надоест плавать, он узнает другие города, других женщин, другие способы быть счастливым.

„Я не знаю, как ищут Бога в семинарии“, — подумал он, глядя на восходящее светило. Сантьяго всегда старался отыскивать новый путь. И в этой церкви ему еще ни разу не случилось ночевать, хотя в здешних краях бывал он часто. Мир огромен и неисчерпаем: пусть овцы ведут его — обязательно выведут к чему-нибудь интересному. „Все дело в том, что сами-то они не понимают, что каждый день пролагают новые пути, что меняются пастбища и времена года, — они заняты только едой да питьем“.

„Может быть, и мы такие же, — думал пастух. — Ведь я и сам ни разу не подумал о других женщинах с тех пор, как познакомился с дочкой суконщика“. Он взглянул на небо, прикинул — выходило, что он еще до обеда будет в Тарифе. Там обменяет свою книгу на другую, потолще, наполнит фляжку вином, побреется и острижется. Надо подготовиться к встрече с дочкой суконщика. А о том, что какой-нибудь другой пастух опередит его и попросит ее руки, он старался не думать.

„Жизнь тем и интересна, что позволяет сны сделать явью“, — думал Сантьяго, поглядывая на небо и прибавляя шаг. Он вспомнил, что в Тарифе живет старуха, которая умеет толковать сны. Пусть-ка расскажет, что значит сон, уже во второй раз приснившийся ему.

Старуха провела гостя в заднюю комнату, отделенную от столовой занавесом из разноцветных пластмассовых шнуров. В комнате стояли стол и два стула, а на стене висело изображение Сердца Христова.

Хозяйка села сама, усадила Сантьяго, потом взяла его за обе руки и вполголоса прочитала молитву.

Похоже, что молитва была цыганская. Пастуху часто встречались цыгане — они, хоть овец и не пасли, тоже бродили по свету. А люди говорили, что живут они обманом, что продали душу дьяволу, что воруют детей, и те потом становятся в их таборах невольниками. Сантьяго сам в детстве до смерти боялся, что его украдут цыгане, и теперь, когда старуха взяла его за руки, страх этот воскрес.

„Но ведь здесь — святое Сердце Иисусово“, — подумал он, стараясь успокоиться и унять дрожь. Ему не хотелось, чтобы старуха заметила, что ему страшно. Он прочитал про себя „Отче наш“.

— Как интересно, — сказала старуха, не сводя глаз с линий его руки, и вновь замолчала.

Юноша забеспокоился еще сильнее. Руки затряслись еще больше, и он поспешно отдернул их.

— Я не за тем пришел, чтобы ты мне гадала по руке, — сказал он, жалея, что вообще переступил порог этого дома: не лучше ли будет заплатить, сколько скажут, да идти восвояси. Слишком большое значение придал он своему сну.

— Знаю. Ты пришел, чтобы я растолковала тебе твой сон, — ответила цыганка. — Сны — это язык, на котором говорит с нами Господь. Когда это один из языков мира, я могу перевести с него. Но если Господь обращается к тебе на языке твоей души, он будет внятен тебе одному. Однако деньги за совет я с тебя все равно возьму.

„Вот те на“, — подумал юноша, но все же решил рискнуть. Пастух всегда рискует: то волки нападут на его стадо, то засуха случится. Риск и составляет очарование его жизни.

— Мне дважды снился один и тот же сон, — сказал он. — Снилось, будто я пасу своих овец

на лугу, и тут появляется ребенок, хочет с ними поиграть. Я не люблю, когда люди подходят к моим овцам — они чужих боятся. Только детей они к себе подпускают без боязни — уж не знаю почему. Не понимаю, как это овцы определяют возраст.

— Рассказывай дальше, — перебила старуха. — У меня вон котелок на огне. Денег у тебя немного, а время мое стоит дорого.

— Ребенок играл да играл с овцами, — продолжал, немного смутясь, Сантьяго, — а потом вдруг подхватил меня на руки и перенес к египетским пирамидам. — Он помедлил, засомневавшись, знает ли цыганка, что это такое, но она молчала. — К египетским пирамидам, — повторил он медленно и раздельно, — и там сказал мне так: „Если снова попадешь сюда, отыщешь спрятанный клад". И только захотел он указать мне, где же это сокровище лежит, как я проснулся. И так — два раза.

Старуха долго молчала, потом снова взяла Сантьяго за обе руки и внимательно взгляделась в ладони.

— Сейчас я с тебя ничего не возьму, — молвила она наконец. — Но если найдешь сокровище, десятая часть — моя.

Юноша рассмеялся от радости — приснившиеся сокровища сохраняют ему его жалкие гроши. Старуха, верно, и в самом деле цыганка: цыгане, говорят, сущие ослы.

— Растолкуй мне мой сон, — попросил он.

— Прежде поклянись. Поклянись, что отдашь мне десятую часть сокровищ, тогда расскажу.

Сантьяго поклялся. Но старуха потребовала, чтобы он повторил клятву, обратясь лицом к образу Святого Сердца Иисусова.

— Этот сон на Всеобщем Языке, — сказала она. — Я попытаюсь его растолковать, хоть это и очень трудно. Вот за труды я и прошу у тебя десятую часть клада. Слушай же: ты должен идти к египетским пирамидам. Я сама и не слыхала про такое, но раз ребенок показал тебе их, значит, они существуют на самом деле. Отправляйся туда: там ты найдешь клад и разбогатеешь.

Сантьяго сначала удивился, а потом его взяла досада. Ради такой чепухи и не стоило разыскивать старуху. Хорошо хоть, что она не взяла с него денег.

— Только время потерял, — сказал он.

— Я ведь предупредила: сон твой трудно разгадать. Чем необыкновенней вещь, тем она проще с виду, и только мудрецу под силу понять ее смысл. Моей мудрости тут не хватает — вот и пришлось выучиться другим искусствам — гадать, например, по руке.

— А как же я попаду в Египет?

— Это уж не моя печаль. Я умею только толковать сны, а не воплощать их в действительность. А иначе стала бы я жить тем, что дают мне дочери?!

— А если не дойду до Египта?

— Не дойдешь — останусь без платы за гаданье. Не в первый раз. А теперь ступай, я и так потеряла с тобой слишком много времени.

Сантьяго вышел от цыганки в сильном разочаровании и решил, что никогда больше снам верить не будет. Тут он вспомнил, что пора и делами заняться: отправился в лавку, купил кое-какой еды, обменял свою книгу на другую, потолще, и уселся на площади на скамейку попробовать нового вина. День был жаркий, и вино волшебным образом охладило Сантьяго. Овец своих он оставил на окраине городка, в хлеву у своего нового друга. У Сантьяго по всей округе были друзья — он потому и любил странствовать. Заводишь нового друга — и вовсе необязательно видеться с ним ежедневно. Когда вокруг тебя одни и те же люди — как это было в семинарии, — то вроде бы само собой получается, что они входят в твою жизнь. А войдя в твою жизнь, они через некоторое время желают ее изменить. А если ты не становишься таким, каким они хотят тебя видеть, обижаются. Каждый ведь совершенно точно знает, как именно надо жить на свете.

Только свою собственную жизнь никто почему-то наладить не может. Это вроде как та старуха цыганка, что толковать сны умела, а вот сделать их явью — нет.

Сантьяго решил подождать, пока солнце спустится пониже, и тогда уж гнать овец на выпас. Через три дня он встретится с дочкой суконщика.

А пока он взялся за новую книжку, которую выменял у местного священника. Книга была толстая, и на первой же странице описывались чьи-то похороны, и вдобавок имена у героев были такие, что язык сломаешь. „Если я когда-нибудь сочиню книгу, — подумал юноша, — у меня на каждой странице будет новый герой, чтобы читателям не надо было запоминать, кого как зовут".

Только углубился он в чтение и увлекся описанием того, как покойника зарывали в снег — Сантьяго самого озноб пробрал, хоть солнце и жгло нещадно, — как подсел к нему неизвестный старик и затеял разговор.

— Что это они там делают? — осведомился он, указывая на людей на площади.

— Работают, — сухо отвечал юноша, делая вид, что погружен в чтение.

На самом же деле он думал о том, как острижет четырех овец перед дочкой суконщика, и она увидит, на что он способен. Сантьяго часто рисовал себе эту сцену и каждый раз мысленно объяснял изумленной девице, что овец надлежит стричь от хвоста к голове. Еще он перебирал в памяти разные занятные истории, которыми развлечет ее во время стрижки. Истории эти он вычитал в книгах, но собирался сказать, что они происходили с ним на самом деле. Во лжи его она не уличит никогда, потому что читать не умеет.

Старик однако оказался настырным. Он сказал, что утомился и хочет пить, и попросил глоток вина. Сантьяго, надеясь отделаться, протянул ему свою фляжку.

Не тут-то было — старик желал беседовать. Теперь он спрашивал, что за книгу читает юноша. Сантьяго уже думал поступить неучтиво и просто пересесть на другую скамейку, но отец всегда учил его быть вежливым со старшими. Он молча протянул книгу соседу и сделал так по двум причинам. Во-первых, он сам не знал, как правильно произносится ее название. А во-вторых, если старик неграмотный, он сам отсядет от него, чтобы не чувствовать себя униженным.

— Гм... — сказал старик, оглядев ее со всех сторон, словно в первый раз видел книгу. — Хорошая книга, о важных вещах, только уж больно скучная.

Сантьяго удивился: старик, оказывается, не только умел читать, но даже и эту книгу прочел. Что ж, если она и вправду скучная, он еще успеет обменять ее на другую.

— Она о том, о чем написаны почти все книги, — продолжал старик. — О том, что человек не в силах сам выбрать свою судьбу. Она старается, чтобы все поверили в величайшую на свете ложь.

— А что это за величайшая на свете ложь? — удивился Сантьяго.

— Звучит она так: в какой-то миг нашего бытия мы теряем контроль над своей жизнью, и ею начинает управлять судьба. Ничего более лживого нет.

— Со мной все было не так, — сказал Сантьяго. — Меня хотели сделать священником, а я ушел в пастухи.

— Так оно лучше, — согласился старик. — Ты ведь любишь странствовать.

„Он будто прочел мои мысли“, — подумал юноша.

А старик тем временем листал толстую книгу и вроде бы даже не собирался возвращать ее. Только сейчас Сантьяго заметил, что он одет в арабский бурнус — впрочем, ничего особенного в этом не было: Тарифу от африканского побережья отделял лишь узкий пролив, который можно было пересечь за несколько часов. Арабы часто появлялись в городке — что-то покупали и несколько раз в день творили свои странные молитвы.

— Вы откуда будете? — спросил он старика.

— Отовсюду.

— Так не бывает, — возразил юноша. — Никто не может быть отовсюду. Я вот, например, пастух, брожу по всему свету, но родом-то я из одного места, из городка, рядом с которым стоит старинный замок. Там я родился.

— Ну, в таком случае я родился в Салиме.

Сантьяго не знал, где это — Салим, но спрашивать не стал, чтобы не позориться, обнаруживая свое невежество. Он уставился на площадь, по которой с озабоченным видом сновали прохожие.

— Ну, и как там, в Салиме?

— Как всегда, так и сейчас.

Ухватиться было не за что. Ясно было только, что город этот не в Андалусии, иначе он бы его знал.

— А чем вы там занимаетесь?

— Чем занимаюсь? — старик раскатисто расхохотался. — Я им правлю. Я — царь Салима.

„Какую чушь иногда несут люди, — подумал юноша. — Право, лучше уж общаться с бессловесными овцами, которым бы только есть да пить. Или книги читать — они рассказывают невероятные истории и именно тогда, когда хочется слушать. А вот с людьми хуже: они брякнут

что-нибудь, а ты сидишь, не зная, что на это сказать, как продолжить разговор".

— Зовут меня Мелхиседек, — промолвил старик. — Сколько у тебя овец?

— Достаточно, — ответил Сантьяго: старик хотел знать слишком много о его жизни.

— Ах, вот как? Я не могу помочь тебе, раз ты считаешь, что овец у тебя достаточно.

Юноша рассердился всерьез. Он не просил о помощи. Это старик попросил сначала вина, потом книгу, а потом — разговора.

— Книжку верните, — сказал он. — Мне пора трогаться в путь.

— Дашь мне десятую часть своей отары — научу, как тебе добраться до сокровищ.

Сантьяго снова припомнил свой сон, и все ему вдруг стало ясно. Старуха цыганка ничего с него не взяла, а старик — может, это ее муж? — выманит у него в обмен на фальшивые сведения гораздо больше денег. Наверно, он тоже цыган.

Но прежде чем Сантьяго успел произнести хоть слово, старик подобрал веточку и принялся что-то чертить на песке. Когда он наклонился, у него на груди что-то ослепительно заблестело. Однако не по годам проворным движением он запахнул свое одеяние, и блеск погас. Юноша смог тогда разобрать, что написано на песке.

На песке, покрывавшем главную площадь маленького городка, он прочел имена отца и матери и историю всей своей жизни вплоть до этой самой минуты — прочел свои детские игры и холодные семинарские ночи. Он прочел имя дочки лавочника, которого не знал. Он прочел то, чего никогда никому не рассказывал: как однажды взял без спросу отцовское ружье, чтобы поохотиться на оленей, как в первый и единственный раз в жизни переспал с женщиной.

„Я — царь Салима", — вспомнилось ему.

— Почему царь разговаривает с пастухом? — смущенно и изумленно спросил Сантьяго.

— Причин тому несколько, но самая главная та, что ты способен следовать Своей Стезей.

Что это за стезя, юноша не знал.

— Это то, что тебе всегда хотелось сделать. Каждый человек, вступая в пору юности, знает, какова его Стезя. В эти годы все ясно, все возможно, все под силу, и люди не боятся мечтать о том, что бы они хотели сделать в жизни. Но потом проходит время, и какие-то таинственные силы, вмешиваясь, стараются доказать, что следовать Своей Стезей невозможно.

Сантьяго не очень-то тронули слова старика, но „таинственной силой" он заинтересовался — дочка лавочника разинет рот, когда услышит про такое.

— Силы эти лишь на первый взгляд кажутся пагубными, а на деле они учат тебя, как найти Свою Стезю. Они укрепляют твой дух и закаляют волю, ибо в мире нашем есть одна великая истина: кем бы ты ни был, чего бы ни хотел, но если чего-нибудь сильно хочешь, то непременно получишь, ибо это желание родилось в душе Вселенной. Это твое предназначение на Земле.

— Даже если я хочу всего-навсего бродить по свету или жениться на дочке лавочника?

— Или отыскать клад. Душа Мира питается счастьем человеческим. Счастьем, но также и горем, завистью, ревностью. У человека одна-единственная обязанность: пройти до конца Своей Стезей. В ней — все. И помни, что когда ты чего-нибудь хочешь, вся Вселенная будет способствовать тому, чтобы желание твое сбылось.

Некоторое время они молча глядели на площадь и на прохожих. Первым нарушил молчание старик:

— Так почему же ты решил пасти овец?

— Потому что люблю бродить по свету.

Старик указал на торговца воздушной кукурузой, пристроившегося со своей красной тележкой в углу площади.

— В детстве он тоже мечтал о странствиях. Однако потом предпочел торговать кукурузой, копить да откладывать деньги. Потом, когда он состарится, проведет месяц в Африке. Ему не дано понять, что у человека всегда есть все, чтобы осуществить свою мечту.

— Лучше бы он пошел в пастухи, — сказал Сантьяго.

— Он подумывал об этом. Но потом решил, что лучше заняться торговлей. У торговцев есть крыша над головой, а пастухи ночуют в чистом поле. И родители предпочитают брать в зятья торговцев, а не пастухов.

Сантьяго, подумав о дочке суконщика, ощутил укол в сердце. Наверняка и в том городке, где она живет, кто-то бродит с красной тележкой.

— Вот и получается, что мнения людей о пастухах и торговцах кукурузой оказываются важ-

ней, чем Своя Стезя.

Старик полистал книгу и вдруг зачитался. Сантьяго подождал-подождал, а потом решил отвлечь его, как тот его отвлек:

— А почему вы со мной говорите об этом?

— Потому что ты пытался ступить на Свою Стезю. Но сейчас готов отказаться от нее.

— И вы всегда появляетесь в такую минуту?

— Всегда. Хоть могу представлять и в другом обличье. Я способен приходить, как приходит в голову удачная мысль или верное решение. Бывает, что в переломный момент я подсказываю выход из затруднительного положения. Всего не упомнишь. Но обычно люди моего появления не замечают.

И старик рассказал, что на прошлой неделе ему пришлось появиться перед одним старателем в образе камня. Когда-то этот человек все бросил и отправился добывать изумруды. Пять лет трудился он на берегу реки и расколол 9999999 камней в поисках хотя бы одного драгоценного. И тут отчаялся и решил отказаться от своей мечты, а ведь ему оставался один — всего-навсего ОДИН КАМЕНЬ — и он отыскал бы свой изумруд. Тогда старик решил вмешаться и прийти на помощь старателю, который так упорно шел Своей Стезей. Он обернулся камнем, подкатился ему под ноги, но старатель, разозленный и отчаявшийся от пяти лет бесплодных усилий, пнул камень и отшвырнул его от себя. Однако вложил в удар такую силу, что камень, отлетев, стукнулся о другой, расколол его, и на солнце засверкал прекраснейший в мире изумруд.

— Люди очень быстро узнают, в чем смысл их жизни, — сказал старик, и Сантьяго заметил в его глазах печаль. — Может быть, поэтому они так же быстро и отказываются от него. Так уж устроен мир.

Тут юноша вспомнил, что разговор у них начался с клада.

— Сокровища выносятся на поверхность земли ручьями и реками, они же и хоронят их в недрах земли, — сказал старик. — А если хочешь узнать об этом кладе поподробней — отдай мне каждую десятую овцу в твоём стаде.

— А может, лучше десятую часть сокровищ?

— Если посулишь то, чем не обладаешь, потеряешь желание обладать, — разочарованно сказал старик.

Тогда Сантьяго сказал, что десятую часть своего стада он уже обещал цыганке.

— Цыгане — люди смышленные, — вздохнул старик. — Но так или иначе тебе полезно узнать, что все на свете имеет свою цену. Именно этому пытаются учить Воины Света, — он протянул Сантьяго книгу. — Завтра в это же самое время ты пригонишь мне десятую часть своего стада. А я расскажу тебе, как найти сокровища. До свиданья.

И он исчез за углом.

Сантьяго вновь взялся было за книгу, но чтение не шло — ему никак не удавалось сосредоточиться. Он был взбудоражен разговором со стариком, потому что знал: тот говорил правду. Юноша подошел к лотку и купил пакетик кукурузы, размышляя, надо ли сказать торговцу, что говорил о нем старик, и решил, что не стоит. „Иногда лучше все оставить как есть“, — подумал он и промолчал. Скажешь — а торговец, который так привык к своему красному лотку на колесах, суток трое будет думать, не бросить ли ему все.

„Избавлю его от этой муки“, — и Сантьяго зашагал по улицам куда глаза глядят, пока не оказался в порту, перед маленькой будочкой с окошком. Там продавали билеты на пароходы. Египет был в Африке.

— Что вам угодно? — спросил кассир.

— Может быть, завтра куплю у вас билет, — ответил ему Сантьяго и отошел.

Всего одну овечку продать — и можно переплыть пролив. Эта мысль смутила его. А кассир сказал своему помощнику:

— Еще один мечтатель. Хочет путешествовать, а в кармане пусто.

А куда Сантьяго стоял перед окошечком кассы, ему вспомнились его овцы, и вдруг страшно стало возвращаться к ним. Целых два года овладевал он искусством пастуха и достиг в нем совершенства — умел и остричь овцу, и помочь ей произвести на свет ягненок, и от волков защитить. Знал как свои пять пальцев все пастбища Андалусии, точно помнил, во что обойдется покупка или продажа любой.

В хлев, где его дожидалось стадо, он двинулся самой длинной дорогой. В этом городе тоже

был свой замок, и Сантьяго решил подняться по откосу и посидеть на крепостной стене. Оттуда видна была Африка. Кто-то ему объяснил, что оттуда в незапамятные времена приплыли мавры, надолго покорившие чуть не всю Испанию. Сантьяго терпеть не мог мавров: должно быть, это они и привезли сюда цыган.

Со стены весь город — и площадь, на которой он разговаривал со стариком, — был как на ладони.

„Будь проклят час, когда он мне повстречался“, — подумал он. Ведь ему-то всего и нужно было, чтобы цыганка растолковала ему сон. Ни она, ни старик вроде бы не придали никакого значения тому, что он пастух. Верно, эти люди — одинокие и во всем изверившиеся — не понимают, что пастухи неизменно всей душой привязываются к своим овцам. А Сантьяго знал про каждую все и во всех подробностях: та — яловая, та через два месяца принесет потомство, а вон те — самые ленивые. Он умел и стричь их, и резать. Если он решится уехать, они без него затоскуют.

Поднялся ветер. Сантьяго знал: люди называют его „левантинцем“, ибо с востока, оттуда же, откуда он задувал, налетали орды язычников. Юноша, пока не побывал в Тарифе, и не подозревал, что африканское побережье так близко. Опасное соседство — мавры могут нагрянуть снова. Ветер усиливался. „Не разорваться же мне между овечками и сокровищем“, — подумал Сантьяго. Надо выбирать между тем, к чему привык, и тем, к чему тянет. А ведь есть еще и дочка лавочника, но овцы важнее, потому что они зависят от него, а она — нет. Да и помнит ли она его? Он был уверен: она и не заметит, если он не появится перед ней через два дня. Те, для кого дни похожи один на другой, перестают замечать все хорошее, что происходит в их жизни.

„Я оставил отца, и мать, и замок возле моей родной деревни, — думал он. — Они привыкли жить в разлуке, и я привык. Стало быть, и овцы привыкнут, что меня нет“.

Он снова оглядел площадь с высоты. Бойко шла торговля воздушной кукурузой; на той скамейке, где он разговаривал со стариком, теперь целовалась парочка.

„Торговец...“ — подумал Сантьяго, но закончить мысль не успел — порыв „левантинца“, задувшего с новой силой, ударил ему прямо в лицо. Ветер не только надувал паруса завоевателей-мавров, он нес с собой тревожащие душу запахи: пустыни, женщин под покрывалами, пота и мечтаний тех, кто когда-то пустился на поиски неведомого, на поиски золота и приключений. Он приносил и запах пирамид. Юноша позавидовал свободному ветру и почувствовал, что может уподобиться ему. Никто не стоял у него на пути, лишь он сам. Овцы, дочка суконщика, поля Андалусии — все это были лишь подступы к Своей Стезе.

Назавтра в полдень он пришел на площадь и пригнал шесть овец.

— Удивительное дело, — сказал он. — Мой друг тут же купил у меня всю отару и сказал, что всю жизнь мечтал стать пастухом. Это доброе предзнаменование.

— Так всегда бывает, — ответил старик. — Это называется Благоприятное Начало. Вот если бы ты впервые в жизни сел играть в карты, то почти наверняка выиграл бы. Новичкам везет.

— А почему так происходит?

— Потому что жизнь хочет, чтобы ты следовал Своей Стезей.

Затем старик стал осматривать овец и обнаружил среди них одну яловую. Сантьяго сказал, что это ничего, зато она самая умная и дает больше всего шерсти.

— Ну, так где же искать сокровища? — спросил он.

— В Египте, возле пирамид.

Сантьяго оробел. То же самое сказала ему цыганка, только она ничего не взяла за это.

— Ты найдешь туда путь по тем знакам, которыми Господь отмечает путь каждого в этом мире. Надо только суметь прочесть то, что написано для тебя.

Сантьяго еще не успел ответить, как между ним и стариком закружилась бабочка. Он вспомнил, что в детстве слышал от деда, будто бабочки приносят удачу. Так же, как сверчки, ящерицы и листики клевера о четырех лепестках.

— Вот именно, — промолвил старик, легко читавший его мысли. — Все так, как говорил тебе дед. Это и есть приметы, благодаря которым ты не собьешься с пути.

С этими словами он распахнул свое одеяние, обнажив грудь, и потрясенный Сантьяго вспомнил, как вчера ослепил его блеск. Неудивительно — старик носил нагрудник литого золота, усыпанный драгоценными камнями. Он и в самом деле оказался царем, а переделся для того, должно быть, чтобы разбойники не напали.

— Вот возьми, — и он, сняв два камня — белый и черный, — украшавшие его нагрудник,

протянул их Сантьяго. — Они называются Урим и Тумим. Белый означает „да“, черный — „нет“. Когда не сумеешь разобраться в знаках, они тебе пригодятся. Спросишь — дадут ответ. Но вообще-то, — продолжал он, — старайся принимать решения сам. Ты уже знаешь, что сокровища — у пирамид, а шесть овец я беру за то, что помог тебе решиться.

Юноша спрятал камни в сумку. Отныне и впредь принимать решения ему придется на свой страх и риск.

— Не забудь, что все на свете одно целое. Не забудь язык знаков. И — самое главное — не забудь, что ты должен до конца пройти Свою Стезю. А теперь я хочу рассказать тебе одну коротенькую историю.

Некий купец отправил своего сына к самому главному мудрецу за секретом счастья. Сорок дней юноша шел по пустыне, пока не увидел на вершине горы великолепный замок. Там и жил Мудрец, которого он разыскивал.

Против ожиданий, замок вовсе не походил на уединенную обитель праведника, а был полон народа: сновали, предлагая свой товар, торговцы, по углам разговаривали люди, маленький оркестр выводил нежную мелодию, а посередине зала был накрыт стол, уставленный самыми роскошными и изысканными яствами, какие только можно было сыскать в этом краю. Мудрец обходил своих гостей, и юноше пришлось ожидать своей очереди два часа.

Наконец Мудрец выслушал, зачем тот пришел к нему, но сказал, что сейчас у него нет времени объяснять секрет счастья. Пусть-ка юноша побродит по замку и вернется в этот зал через два часа.

„И вот еще какая у меня к тебе просьба, — сказал он, протягивая юноше чайную ложку с двумя каплями масла. — Возьми с собой эту ложечку и смотри не разлей масло.“

Юноша, не сводя глаз с ложечки, стал подниматься и спускаться по дворцовым лестницам, а два часа спустя предстал перед Мудрецом.

„Ну, — молвил тот. — Понравилась ли тебе персидские ковры в столовой зале; сад, который искуснейшие мастера разбивали целых десять лет; старинные фолианты и пергаменты в моей библиотеке?“

Пристыженный юноша признался, что не видел ничего, ибо все внимание его было приковано к тем каплям масла, что доверил ему хозяин.

„Ступай назад и осмотри все чудеса в моем доме, — сказал тогда Мудрец. — Нельзя доверять человеку, пока не узнаешь, где и как он живет“.

Юноша взял ложечку и снова двинулся по переходам замка. На этот раз он был не так скован и разглядывал редкости и диковины, все произведения искусства, украшавшие комнаты. Он осмотрел сады и окружавшие замок горы, оценил прелесть цветов и искусное расположение картин и статуй. Вернувшись к Мудрецу, он подробно перечислил все, что видел.

„А где же те две капли масла, которые я просил донести, не пролив?“ — спросил Мудрец.

И тут юноша увидел, что пролил их.

„Вот это и есть единственный совет, который я могу тебе дать, — сказал ему мудрейший из мудрых. — Секрет счастья в том, чтобы видеть все, чем чуден и славен мир, и никогда при этом не забывать о двух каплях масла в чайной ложке“.

Сантьяго, выслушав рассказ, долго молчал. Он понял, что хотел сказать ему старик. Пастух любит странствовать, но никогда не забывает о своих овцах.

Пристально глядя на Сантьяго, царь Мелхиседек странно провел руками в воздухе около его головы. А потом пошел своей дорогой, гоня перед собой овец.

Над маленьким городком Тарифой возвышается старинная крепость, построенная еще маврами. Если взойти на башню, откроется вид на площадь, где стоит лоток торговца кукурузой, и на кусочек африканского побережья. И в тот день на крепостной стене сидел, подставив лицо восточному ветру, Мелхиседек, царь Салима. Овцы, встревоженные столькими переменами в своей судьбе, жалась в кучу чуть поодаль от нового хозяина. Но нужны им были только корм да вода.

Мелхиседек глядел на небольшой баркас, стоявший на рейде. Он никогда больше не увидит этого юношу, как ни разу не видел и Авраама после того, как тот отдал ему десятину.

У бессмертных не должно быть желаний, потому что у них нет здесь Своей Стези. И все же Мелхиседек в глубине души тайно желал, чтобы юноше по имени Сантьяго сопутствовала удача.

— Жаль, что он сейчас же позабудет даже, как меня зовут, — думал он. — Надо было повторить мое имя. Чтобы он, упоминая меня, называл неведомого старика „Мелхиседек, царь Са-

лима".

Он поднял глаза к небу и сокрушенно произнес:

— По слову Твоему, Господи, все это „суета сует". Но иногда и старый царь может гордиться собой.

„Странное место эта Африка", — думал Сантьяго.

Он сидел в маленькой харчевне — одной из тех, что так часто встречались ему на узких улочках этого города. Несколько человек курили огромную трубку, по очереди передавая ее друг другу. За эти часы он видел мужчин, которые шли, взявшись за руки, женщин с закрытыми лицами, священнослужителей, которые взбирались на высокие башни и нараспев выкрикивали оттуда что-то — а все вокруг опускались на колени, били лбом о землю.

„Край неверных, страна язычников", — сказал он сам себе. В детстве в их деревенской церкви он видел образ Святого Иакова — победитель мавров изображен был верхом на белом коне, с обнаженным мечом в руке, а перед ним были простерты зловещего облика люди, похожие на тех, что сидели теперь в харчевне рядом с Сантьяго. Юноше было не по себе — он чувствовал себя ужасно одиноким.

А кроме того, в предотъездной суматохе он совсем упустил из виду одно обстоятельство, которое вполне могло бы надолго закрыть ему путь к сокровищам. В этой стране все говорили по-арабски.

К нему подошел хозяин, и Сантьяго знаками попросил принести ему то же, что пили за соседним столом. Это оказался горьковатый чай. Юноша предпочел бы вино.

Впрочем, все это было неважно — надо было думать лишь о сокровищах и о том, как до них добраться. Денег от продажи овец он выручил немало, они лежали у него в кармане и уже успели проявить свое волшебное свойство — с ними человеку не так одиноко. Очень скоро, всего через несколько дней, он будет уже у пирамид. Старик, носящий нагрудник из чистого золота, не стал бы обманывать, чтобы разжиться полдюжиной овец.

Он говорил ему о знаках, и Сантьяго, куда пересекал пролив, все думал о них. Он понимал, о чем идет речь: бродя по Андалусии, юноша научился узнавать на земле и на небе приметы того, что ждет впереди. Птица могла оповещать, что где-то притаилась змея; кустарник указывал, что неподалеку найдется ручей или река. Овцы научили его всему этому. „Если Бог их ведет, он и мне не даст сбиться с пути", — подумал Сантьяго и немного успокоился. Даже чай показался не таким горьким.

— Ты кто будешь? — послышалась вдруг испанская речь.

Сантьяго вздохнул с облегчением: он думал о знаках, и вот знак ему подан. Окликнувший его был примерно одних с ним лет, одет на западный манер, но цвет кожи указывал, что он местный.

— Откуда ты знаешь испанский? — спросил Сантьяго.

— Здесь почти все его знают. Испания в двух часах пути.

— Присядь, я хочу тебя угостить чем-нибудь. Закажи вина себе и мне. Чай мне не по вкусу.

— В этой стране вина не пьют, — ответил тот. — Вера не разрешает.

Сантьяго сказал тогда, что ему нужно добраться до пирамид. Он чуть было не проговорился о сокровищах, но вовремя прикусил язык — араб за то, чтобы проводить его до места, вполне мог бы потребовать часть клада себе.

— Не можешь ли довести меня до пирамид? Я бы тебе заплатил за это.

— А ты даже не представляешь, где это?

Сантьяго заметил, что хозяин подошел вплотную и внимательно прислушивается к разговору. При нем говорить не хотелось, однако он боялся упустить так удачно найденного проводника.

— Тебе придется пересечь всю пустыню Сахару, — сказал тот. — А для этого понадобятся деньги. Есть они у тебя?

Сантьяго этот вопрос удивил. Но он помнил слова старика: если ты чего-нибудь хочешь, вся Вселенная будет способствовать тому, чтобы желание твое сбылось. И, достав из кармана деньги, он показал их арабу. Хозяин подошел еще ближе и уставился на них, а потом перебрисился с юношей несколькими арабскими словами. Сантьяго показалось, что хозяин на что-то сердится.

— Пойдем-ка отсюда, — сказал юноша. — Он не хочет, чтобы мы тут сидели.

Сантьяго с радостью поднялся и хотел было уплатить по счету, но хозяин схватил его за руку и стал что-то говорить. У Сантьяго хватило бы силы, чтобы высвободиться, но он был в чужой

стране и не знал, как себя вести. По счастью, новый знакомый оттолкнул хозяина и вытащил Сантьяго из харчевни на улицу.

— Он хотел отнять у тебя деньги. Танжер не похож на другие африканские города. Это порт, а в порту всегда множество жуликов.

Ему можно доверять. Он помог ему в критической ситуации. Сантьяго снова достал из кармана и пересчитал деньги.

— Можем завтра же отправиться к пирамидам, — сказал араб. — Но сначала надо купить двух верблюдов.

Они двинулись по узким улочкам Танжера, где на каждом шагу стояли палатки и лотки, где торговали всякой всячиной, и оказались на рыночной площади. Она была заполнена многотысячной толпой — люди продавали, покупали, спорили. Зелень и плоды лежали рядом с кинжалами, ковры — рядом с разнообразными трубками. Сантьяго не сводил глаз со своего спутника — тот забрал у него все деньги. Он хотел было забрать их, но счел, что это будет неучтиво. Ему были неведомы нравы и обычаи страны, в которой он сейчас находился. „Ничего, — подумал он, — я ведь внимательно слежу за ним, и этого достаточно, ибо я сильнее его”.

И вдруг в груди разнообразного товара он заметил саблю, красивей которой еще никогда не видел. Ножны были серебряные, эфес украшен драгоценными камнями и чернью. Сантьяго решил, что, когда вернется из Египта, непременно купит себе такую же.

— Спроси, сколько она стоит, — попросил он своего спутника.

В этот миг он понял, что на две секунды отвлекся, заглядевшись на саблю. Сердце у него екнуло. Он боялся оглянуться, потому что уже знал, что предстанет его глазам. Еще несколько мгновений он не сводил глаз с сабли, но потом набрался храбрости и повернул голову.

Вокруг гремел и бушевал рынок, сновали и горланили люди, лежали вперемежку ковры и орехи, медные подносы и груды салата, шли взявшиеся за руки мужчины и женщины в чадрах, витали запахи неведомой снеди — и нигде, ну просто нигде не было видно его недавнего спутника.

Сантьяго поначалу еще верил, что они случайно потеряли друг друга в толпе, и решил остаться на месте в надежде, что тот вернется. Прошло какое-то время; на высокую башню поднялся человек и что-то закричал нараспев — все тотчас упали ниц, уткнулись лбами в землю и тоже запели. А потом, словно усердные рабочие муравьи, сложили товары, закрыли палатки и лотки. Рынок опустел.

И солнце тоже стало уходить с неба; Сантьяго следил за ним долго — до тех пор, пока оно не спряталось за крыши белых домов, окружавших площадь. Он вспомнил, что, когда оно всходило сегодня, он еще был на другом континенте, был пастухом, владел шестьюдесятью овцами и ждал свидания с дочкой суконщика. Еще утром ему наперед было известно все, что произойдет, когда он погонит свое стадо на пастбище.

А теперь, на закате, он оказался в другой стране, стал чужим в чужом краю и даже не понимал, на каком языке говорят его жители. Он уже не был пастухом, он лишился всего — и прежде всего денег, а значит, уже не мог вернуться и все начать сначала.

„И все это — от восхода до заката”, — подумал он. Ему стало жалко себя, ибо иногда перемены так стремительны, что ахнуть не успеешь, не то что привыкнуть.

Плакать было стыдно. Он даже перед своими овцами стеснялся плакать. Однако рыночная площадь уже опустела, а он был один и вдали от родины.

И Сантьяго заплакал. Неужели Бог так несправедлив, взыскивает с тех людей, которые верят снам! „Когда я пас своих овец, то был счастлив и распространял счастье вокруг себя. Люди радовались, когда я приходил к ним, и принимали меня как дорогого гостя.

А теперь я печален и несчастен. И не знаю, что делать. Я стану злобным и недоверчивым и буду подозревать всех потому лишь, что один человек обманул меня. Я буду ненавидеть тех, кто сумел найти клад, потому что мне это не удалось. Я буду цепляться за ту малость, которой обладаю, потому что слишком мал и ничтожен, чтобы постичь весь мир”.

Он открыл сумку, чтобы посмотреть, не осталось ли у него какой-нибудь еды — хоть куска хлеба с маслом, — но нашел лишь толстую книгу, куртку и два камня, которые дал ему старик.

И, увидев их, Сантьяго испытал огромное облегчение. Он ведь обменял шесть овец на два драгоценных камня с нагрудника старика. Он их продаст, купит себе билет и вернется обратно. «А впредь буду умней», — подумал он, доставая камни из сумки и пряча их в карман. Вот и порт, к

которому относились единственные правдивые слова обокравшего его парня: в порту всегда полно жуликов.

Только теперь он понял, почему так горячился хозяин харчевни — он отчаянно силился втолковать ему, чтобы не доверял своему спутнику. „Я в точности такой же, как все: принимаю желаемое за действительное и вижу мир не таким, каков он на самом деле, а таким, каким мне хочется его видеть”.

Он вновь стал рассматривать камни, бережно прикоснулся к ним — они были на ощупь теплыми и гладкими. Настоящее сокровище. Дотронешься до них — и на душе легче. Они напомнили Сантьяго о старике. Вновь прозвучали в душе его слова: „Если ты чего-нибудь хочешь, вся Вселенная будет способствовать тому, чтобы желание твое сбылось”.

Ему хотелось понять, правда ли это. Он стоял посреди пустой рыночной площади, без гроша в кармане, ему не надо было заботиться о ночлеге для овец. Но драгоценные камни непреложно доказывали, что он повстречался с царем — с царем, который знал всю его жизнь: и отцовское ружье, взятое без спросу, и первую женщину.

„Камни помогут тебе отгадать загадку. Они называются Урим и Тумим”, — вспомнилось ему. Сантьяго вновь вынул их из кармана и решил попробовать. Старик говорил, что вопросы надо задавать четко, ибо камни помогают лишь тем, кто твердо знает, чего хочет. Он спросил, осеняет ли еще его благословение старика.

— Да, — ответил камень.

— Найду ли я сокровища? — спросил Сантьяго.

Он сунул руку в сумку и только собирался вытащить камень, как оба провалились в дыру. А он почему-то и не замечал раньше, что сумка его прорвана. Сантьяго наклонился, чтобы подобрать камни с земли и снова спрятать, но тут в голову ему пришла новая мысль:

„Научись приглядываться к знакам и следовать им”, — сказал ему старик.

Знак! Сантьяго рассмеялся. Потом схватил камни с земли, сунул в сумку. Он и не подумает зашивать прореху в котомке — камни, если захотят, в любую минуту выскользнут наружу. Он понял, что есть вещи, о которых лучше не спрашивать — чтобы не пытаться убежать от собственной судьбы. „Я ведь обещал старику, что решать буду сам”, — сказал он себе.

Однако камни дали ему понять, что старик по-прежнему с ним, и это придало ему уверенности. Он снова обвел взглядом пустынную площадь, но уже без прежней безнадежности. Вовсе не чужой мир простирался перед ним, а просто новый.

А ведь ему всегда только того и хотелось — познавать новые миры. Если даже ему не суждено добраться до пирамид, он и так уже дошел гораздо дальше, чем любой пастух. „Знали бы они, — подумал он, — что всего в двух часах пути от них все совсем по-другому”.

Новый мир простерся перед ним вымершей рыночной площадью, но он-то успел увидеть, как она бурлила жизнью, и больше уже этого не забудет. Он вспомнил и про саблю: конечно, он слишком дорого заплатил за то, что две секунды разглядывал ее, но ведь такого он никогда прежде не видал. Сантьяго вдруг понял, что может смотреть на мир как бедная жертва жулика, а может — как храбрец, отправившийся на поиски приключений и сокровищ.

— Я — храбрец, отправившийся на поиски приключений и сокровищ, — сказал он, прежде чем погрузиться в сон.

Он проснулся от того, что кто-то толкал его в бок. Сантьяго устроился на ночлег посреди рынка, который теперь вновь вернулся к жизни.

Сантьяго оглянулся по сторонам, ища своих овец, и понял, что он в новом мире, но вместо привычной уже грусти испытал прилив счастья. Он больше не будет бродить в поисках еды и воды — он отправится за сокровищами! У него ни гроша в кармане, но зато есть вера в жизнь. Вчера ночью он выбрал себе судьбу искателя приключений: он станет одним из тех, о ком читал в книгах.

Не торопясь, юноша побрел по площади. Торговцы открывали свои палатки и ларьки, и он помог продавцу сладостей поставить прилавок и разложить товар. На лице кондитера играла улыбка: он был бодр, весел и радостно готовился встретить новый трудовой день, — и она напомнила Сантьяго старика, таинственного царя Мелхиседека. „Он печет сласти не потому, что хочет странствовать по свету или жениться на дочке суконщика. Ему нравится его занятие”, — подумал юноша и заметил, что не хуже старика с первого взгляда может определить, насколько человек близок или далек от Своей Стези. „Это так просто — и как же я раньше этого не понимал?!”.

Когда натянули брезент, кондитер протянул ему первый выпеченный пирожок. Сантьяго его с удовольствием съел, поблагодарил и пошел дальше. И, только сделав несколько шагов, он вспомнил, что, пока они ладили палатку, кондитер говорил по-арабски, а он — по-испански, и оба понимали друг друга.

„Выходит, есть язык, который не зависит от слов, — подумал он. — Я на нем объяснялся со своими овечками, а теперь вот попробовал и с человеком”.

„Все одно целое”, как говорил старик.

Сантьяго решил пройтись по улочкам Танжера не торопясь, чтобы не пропустить знаки. Это потребует терпения, но всякий пастух первым делом учится этой добродетели. И снова подумал он, что в новом мире ему пригодится то, чему научили его овцы.

„Все одно целое”, — снова вспомнились ему слова Мелхиседека.

Торговец Хрусталем смотрел, как занимается новый день, и ощущал обычную тоску, томившую его по утрам. Вот уже тридцать лет сидел он на крутом спуске в своей лавчонке, куда редко заглядывали покупатели. Теперь уже поздно было что-либо менять в жизни; торговать хрусталем — вот все, что он умел. Было время, когда в лавке его толпились арабские торговцы, английские и французские геологи, немецкие солдаты — все люди с деньгами. Когда-то торговля хрусталем была делом выгодным, и он мечтал, как разбогатеет и старость его будет скрашена и согрета красивыми женами.

Но изменилось время, а вместе с ним и город. Сеута разрослась и затмила Танжер, и центр торговли сместился. Соседи-торговцы разъехались, на спуске осталось лишь несколько лавочек, и никто не хотел подниматься в гору, чтобы зайти в одну из них.

Но у Торговца Хрусталем выбора не было. Тридцать лет занимался он тем лишь, что продавал и покупал хрусталь, а теперь было уже поздно менять жизнь.

Целое утро он смотрел, как проходят мимо редкие прохожие. Это повторялось из года в год, и он наперед знал, когда появится тот, а когда — этот. Но за несколько минут до обеда у его витрины остановился юный чужестранец. Одет он был прилично, однако наметанным глазом Торговец Хрусталем определил, что денег у него нет. И все же он решил отворить ему и подождать, пока тот уйдет.

На двери висело объявление, извещавшее, что здесь говорят на иностранных языках. Сантьяго увидел, как за прилавком появился хозяин.

— Хотите, я вам все эти стаканы перемою? — спросил юноша. — А в таком виде их у вас никто не купит.

Хозяин ничего не отвечал.

— А вы мне за это дадите какой-нибудь еды.

Хозяин все так же молча смотрел на него. Сантьяго понял, что должен принимать решение. В котомке у него лежала куртка — в пустыне она не понадобится. Он достал ее и принялся перетирать стаканы. Через полчаса все стаканы на витрине блестели, и тут как раз пришли двое и купили кое-что из хрустальных изделий.

Окончив работу, Сантьяго попросил у хозяина еды.

— Идем со мной, — отвечал тот.

Он повесил на дверь табличку „Закрето на обед” и повел Сантьяго в маленький бар, стоявший на самом верху переулка. Там они сели за единственный стол. Торговец Хрусталем улыбнулся:

— Тебе ничего и не надо было мыть. Коран велит кормить голодных.

— Отчего же вы меня не остановили?

— Оттого что стаканы были грязные. И тебе, и мне надо было очистить разум от дурных мыслей.

А когда они поели, он сказал:

— Я хочу, чтобы ты работал в моей лавке. Сегодня, пока ты мыл товар, пришли двое покупателей — это добрый знак.

„Люди часто говорят о знаках, — подумал пастух, — но не понимают этого. Да и я, сам того не зная, столько лет беседовал со своими овцами на бессловесном языке”.

— Ну так как? — настаивал продавец. — Пойдешь ко мне работать?

— До рассвета перемою весь товар, — ответил юноша. — А вы мне за это дадите денег добраться до Египта.

Старик снова рассмеялся.

— Если ты даже целый год будешь мыть хрусталь в моей лавке, если будешь получать хороший процент с каждой покупки, все равно придется одалживать деньги. От Танжера до пирамид тысячи километров пути по пустыне.

На минуту стало так тихо, словно весь город погрузился в сон. Исчезли базары, торговцы, расхваливавшие свой товар, люди, поднимавшиеся на минареты и выпевавшие слова молитвы, сабли с резными рукоятками. Сгинули куда-то надежда и приключение, старый царь и Своя Стезя, сокровища и пирамиды. Во всем мире воцарилась тишина, потому что онемела душа Сантьяго. Не ощущая ни боли, ни муки, ни разочарования, он остановившимся взглядом смотрел сквозь маленькую дверь харчевни и страстно желал только умереть, мечтая, чтобы все кончилось в эту минуту раз и навсегда.

Продавец глядел на него в изумлении — еще утром, совсем недавно, он был так весел. А теперь от этого веселья и следа не осталось.

— Я могу дать тебе денег, чтобы ты вернулся на родину, сын мой, — сказал продавец.

Юноша не ответил. Потом встал, одернул одежду и поднял котомку.

— Я остаюсь работать у вас, — сказал он.

И, помолчав еще, прибавил:

— Мне нужны деньги, чтобы купить несколько овец.

Часть вторая

Почти целый месяц работал Сантьяго в лавке, и нельзя сказать, чтобы новое дело очень уж ему нравилось. Продавец Хрусталя день-деньской сидел за прилавком и бурчал, чтобы юноша поосторожней обращался с товаром и ничего не разбил.

Однако он не уволился, потому что Продавец был хоть и ворчун, но человек честный и слово свое держал: Сантьяго исправно получал комиссионные с каждой покупки и даже сумел скопить кое-какие деньги. Однажды утром он прикинул свои барыши и убедился, что если будет зарабатывать столько же, сколько сейчас, овец сможет купить не раньше чем через год.

— Надо бы сделать открытую стойку с образчиками товара, — сказал он хозяину. — Мы бы поставили ее у входа в лавку, чтобы привлекать внимание прохожих.

— Жили мы раньше без всяких стоек, — отвечал тот. — Кто-нибудь, идя мимо, споткнется, заденет ее и переколотит мой хрусталь.

— Когда я гнал овец на выпас, они тоже могли наткнуться на змею и сдохнуть от ее укуса. Однако это — часть жизни овец и пастухов.

Продавец в это время обслуживал посетителя, желавшего купить три хрустальных бокала. Торговля теперь шла бойко, словно вернулись времена, когда эта улочка притягивала к себе людей со всего Танжера.

— Дела идут недурно, — сказал он, когда покупатель вышел. — Я зарабатываю теперь достаточно и скоро дам тебе столько денег, что ты купишь новую отару. Чего же тебе не хватает? Зачем требовать от жизни большего?

— Затем, что надо следовать знакам, — невольно вырвалось у юноши, и он тотчас пожалел о сказанном: Продавец-то ведь никогда не встречал царя.

„Это называется Благоприятное Начало, — вспомнились ему слова старика. — Новичкам везет. Ибо жизнь хочет, чтобы человек следовал Своей Стезей“.

А хозяин между тем осмысливал то, что сказал Сантьяго. Ясно, что одно его присутствие в лавке было добрым знаком — деньги текли в кассу, и он не раскаивался, что нанял этого испанского паренька. Хотя зарабатывает он больше, чем должен: обнаружив, что от торговли ничего в его жизни не меняется, хозяин, не гонясь за барышом, назначил ему высокий процент с каждой сделки. Интуиция подсказывала: скоро паренек вернется к своим овцам.

— Зачем понадобились тебе пирамиды? — спросил он, чтобы сменить тему.

— Затем, что мне много о них говорили, — ответил Сантьяго. Сокровища превратились в горестное воспоминание, и он старался не думать о них, потому и не стал рассказывать хозяину свой сон.

— Впервые в жизни вижу человека, который хочет пересечь пустыню для того лишь, чтобы взглянуть на пирамиды. А пирамиды эти — просто груда камней. Ты и сам во дворе можешь по-

строить такое.

— Видно, вам не снились сны о дальних странствиях, — ответил ему на это Сантьяго и пошел навстречу входившему в лавку покупателю.

Через два дня старик хозяин вернулся к разговору о витрине.

— Не люблю я новшеств, — сказал он. — Я же не так богат, как Гассан, которому не страшно ошибиться — он на этом много не потеряет. Нам с тобой за свои ошибки придется всю жизнь платить.

„Верно“, — подумал юноша.

— Вот и ответь мне, зачем тебе эта стойка? — продолжал хозяин.

— Я хочу как можно скорей вернуться к моим овечкам. Пока удача нам сопутствует, надо пользоваться моментом. Надо сделать все, чтобы помочь ей, как она нам помогает. Это ведь так и называется: Благоприятное Начало. Новичкам везет.

Старик помолчал и ответил:

— Пророк дал нам Коран и возложил на нас лишь пять обязанностей, которые мы должны выполнять в жизни. Самая главная — помнить, что нет бога, кроме Аллаха. А четыре других — молиться пять раз в день, поститься, когда наступает месяц Рамадан, быть милосердным к неимущему...

Он снова замолчал. При упоминании Пророка глаза его увлажнились. Он, хоть и был человек живой, нетерпеливый и горячий, все же сумел прожить жизнь в соответствии с законом Магомета.

— Ну, а пятая обязанность? — спросил Сантьяго.

— Позавчера ты сказал, что мне, наверное, никогда не снились сны о дальних странствиях. Так вот, пятая обязанность каждого мусульманина — совершить паломничество. Каждый из нас хоть однажды в жизни должен посетить священный город Мекку. А она гораздо дальше, чем пирамиды. В молодости, как только скопил немного, я предпочел купить эту вот лавку. Думал: вот разбогатею, тогда и отправлюсь в Мекку. Потом у меня завелись деньги, но я никому не мог доверить торговлю, ибо товар у меня хрупкий. И каждый день видел, как мимо проходят паломники: были среди них богачи — их сопровождали десятки слуг и целые караваны верблюдов, — но большая часть была бедней меня.

Видел я и как они возвращаются, счастливые и довольные, и ставят у двери дома символ паломничества в Мекку. Один из них, сапожник, чинивший чужие башмаки, рассказал мне, что шел через пустыню почти целый год, но уставал меньше, чем в Танжере, когда отправлялся в соседний квартал купить кожи.

— Почему же вам сейчас не отправиться в Мекку? — спросил Сантьяго.

— Потому что я жив только благодаря мечте о ней. Разве иначе выдержал бы я все эти дни, неотличимые друг от друга, все эти полки, заставленные моим товаром, обеды и ужины в этой мерзкой харчевне? Я боюсь, что, когда мечта станет явью, мне больше незачем будет жить на свете.

А ты мечтаешь об овцах и пирамидах и, не в пример мне, жаждешь осуществить свою мечту. Я желаю только мечтать о Мекке. Тысячи раз я представлял, как пересеку пустыню, как приду на площадь, где стоит священный камень, семь раз обойду вокруг него и лишь потом прикоснусь к нему. Я представляю, сколько людей будет толпиться рядом со мной и как мой голос вплетется в общий молитвенный хор. Но я боюсь, что меня постигнет ужасное разочарование, и потому предпочитаю только мечтать.

В тот день он разрешил Сантьяго смастерить новую стойку. Не все видят сны одинаково.

Минуло еще два месяца — новая выносная витрина сделала свое дело: в лавку валом валили покупатели. Сантьяго прикинул: если так и дальше пойдет, через полгода он сможет вернуться в Испанию и купить не шестьдесят голов овец, а два раза по столько. Не пройдет и года, как он удвоит стадо и начнет торговать с арабами, потому что уже научился сносно объясняться на их языке. После того случая на рынке он уже не доставал из котомки камешки Урим и Тумим, потому что Египет стал для него мечтой, такой же несбыточной, как Мекка — для его хозяина. Он был доволен своей работой и постоянно представлял себе, как победителем сойдет с корабля на пристань Тарифы.

„Помни: всегда надо точно знать, чего хочешь“, — говорил Мелхиседек. Юноша знал. И работал для достижения своей цели. Может быть, на роду ему было написано оказаться в чужой

стране, встретить там жулика, а потом удвоить свое стадо, не истратив на это ни гроша?

Он был горд собой. Он многому научился: умел теперь торговать хрусталем, владел языком без слов и читал знаки. Однажды он услышал, как жалуется какой-то человек: одолел такой крутой подъем, а тут даже присесть и утолить жажду негде. Сантьяго сразу смекнул, что это знак, и сказал хозяину:

— Давайте откроем тут что-то вроде чайной.

— Мы будем далеко не первыми и не единственными, — отвечал тот.

— А мы предложим им чай из хрустальных стаканов. Люди получают удовольствие и захотят купить у нас хрусталь. Люди больше всего падки на красоту.

Хозяин довольно долго смотрел на него, ничего не отвечая. Однако ближе к вечеру, помолвившись и закрыв лавку, он уселся перед ней на мостовой и предложил Сантьяго покурить наргиле — причудливую трубку, которая в ходу у арабов.

— Скажи мне, чего ты добиваешься? — спросил он у юноши.

— Вы же знаете: хочу вернуться домой и купить овец. А для этого мне нужны деньги.

Старик подложил несколько угольков в наргиле и глубоко затянулся.

— Тридцать лет я держу эту лавку. Умею отличать хороший хрусталь от плохого, знаю все тонкости торговли. Я доволен тем, как идет у меня дело, и расширять его не хочу. Будешь подавать покупателям чай в хрустальных стаканах — наш оборот вырастет, придется менять образ жизни.

— Что ж в этом плохого?

— А я привык жить, как жил. Пока ты не появился здесь, я часто думал, что столько времени сиднем просидел на одном месте, покуда мои друзья уезжали, приезжали, разорялись и богатели. Думал я об этом с глубокой печалью. Теперь же понимаю, что лавка моя как раз такого размера, как мне надо и хочется. Я не ищу перемен, я не знаю, как это делается. Я слишком привык к самому себе.

Юноша не нашелся, что ответить. А старик продолжал:

— Тебя мне словно Бог послал. А сегодня я понял вот что: если Божье благословение не принять, оно превращается в проклятье. Я ничего больше от жизни не хочу, а ты меня заставляешь открывать в ней неведомые дали. Я гляжу на них, сознаю свои неслыханные возможности и чувствую себя хуже, чем раньше. Ибо теперь я знаю, что могу обрести все, а мне это не нужно.

„Хорошо еще, что я ничего не рассказал продавцу кукурузы“, — подумал Сантьяго.

Еще некоторое время они курили наргиле. Солнце зашло. Хозяин и юноша говорили по-арабски — Сантьяго был очень доволен, что овладел этим языком. Давным-давно, в другой жизни, ему казалось, что овцы способны постичь все в мире. Но вот арабского языка им не выучить.

„Должно быть, есть и еще кое-что, чему они научиться не могут, — думал он, молча поглядывая на хозяина. — Ибо заняты они лишь поисками корма и воды. Да и потом, они же не сами выучились — это я их научил“.

— Мактуб, — произнес наконец Продавец Хрусталя.

— Что это значит?

— Чтобы понять, надо родиться арабом, — ответил тот. — Но примерный смысл: „Так суждено“.

И, гася угольки в наргиле, добавил, что с завтрашнего дня Сантьяго может продавать чай в хрустальных стаканах. Остановить реку жизни невозможно.

Люди взбирались по крутизне и вдруг на самом верху видели перед собой лавку, где им предлагали холодный и освежающий мятный чай в красивых хрустальных стаканах. Как же было не зайти и не выпить?!

„Моей жене до такого не додуматься!“ — говорил один, покупая несколько штук: в этот вечер к нему должны были прийти гости, и он хотел удивить их замечательными стаканами.

Другой утверждал, что чай кажется гораздо вкусней, когда пьешь из хрустального стакана — в нем, мол, он лучше сохраняет свой аромат. Третий вспоминал, что на Востоке существует давняя традиция пить чай из хрусталя, потому что он обладает магическими свойствами.

И очень скоро все прознали об этом, и народ потянулся по склону, чтобы своими глазами увидеть, какие новшества можно внести в такой старинный промысел. Появились и другие заведения, где теперь посетителям подавали чай в хрустальных стаканах, но туда не надо было караб-

каться, и потому они пустовали.

Очень скоро Хозяину пришлось нанять еще двоих. Теперь он не только торговал хрусталем, но и отпускал невероятное количество чая жаждущим новизны людям, ежедневно стекавшимся в его лавку.

Так прошло полгода.

Юноша проснулся еще до восхода солнца. С тех пор как он впервые ступил на африканский континент, минуло одиннадцать месяцев и девять дней.

Он надел арабский бурнус из белого полотна, специально купленный к этому дню, покрыл голову платком, закрепив его кольцом из верблюжьей кожи, обул сандалии и бесшумно спустился вниз.

Город еще спал. Сантьяго съел кусок хлеба с вареньем, отпил теплого чаю из хрустального стакана. Потом уселся на пороге лавки и закурил наргиле.

Так он сидел и покуривал в полном одиночестве, ни о чем не думая, а только слушая постоянный и ровный шум ветра, приносивший запах пустыни. Докурив, сунул руку в карман — и уставился на то, что вытащил оттуда.

Пальцы его сжимали толстую пачку денег — на них можно было купить и обратный билет, и сто двадцать овец, и разрешение вести торговлю между Испанией и той страной, где он сейчас находился.

Сантьяго терпеливо дождался, когда проснется старик хозяин и отопрет лавку. Потом они вместе выпили еще чаю.

— Сегодня я уеду, — сказал юноша. — Теперь мне есть на что купить овец, а вам — на что отправиться в Мекку.

Хозяин хранил молчание.

— Благословите меня, — настойчиво сказал Сантьяго. — Вы мне помогли.

Старик не произнося ни слова продолжал заваривать чай. Наконец он обернулся к Сантьяго:

— Я горжусь тобой. Ты вдохнул жизнь в мою лавку. Но знай: я не пойду в Мекку. Знай и то, что ты не купишь себе овец.

— Кто это вам сказал? — в удивлении спросил юноша.

— Мактуб, — только и ответил старый Продавец Хрустала.

И благословил его.

А Сантьяго пошел к себе в комнату и собрал все свои пожитки — получилось три мешка. Уже в дверях он вдруг заметил в углу свою старую пастушью котомку, которая давно не попадалась ему на глаза, так что он и забыл про нее. В ней лежали его куртка и книга. Он вытащил куртку, решив подарить ее какому-нибудь мальчишке на улице, и тут по полу покатались два камня — Урим и Тумим.

Тут юноша вспомнил про старого царя и сам удивился — он столько времени не думал про него. Целый год работал он без передышки с единственной целью — скопить денег, чтобы не возвращаться в Испанию несолоно хлебавши.

„Никогда не отказывайся от своей мечты, — говорил ему Мелхиседек. — Следуй знакам“.

Юноша подобрал камни с пола, и тут его снова охватило странное ощущение, будто старик где-то рядом. Он целый год провел в тяжелых трудах, а теперь знаки указывали, что настало время уходить.

„Я снова стану точно таким же, каким был раньше, — подумал он, — а овцы не научат меня говорить по-арабски“.

Овцы, однако, научили его кое-чему поважнее: тому, что есть на свете язык, понятный всем. И весь этот год, стараясь, чтобы торговля процветала, Сантьяго говорил на нем. Это был язык воодушевления, язык вещей, делаемых с любовью и охотой, во имя того, во что веришь или чего желаешь. Танжер перестал быть для него чужбиной, и юноша сознавал: весь мир может покориться ему, как покорился этот город.

„Когда чего-нибудь сильно захочешь, вся Вселенная будет способствовать тому, чтобы желание твое сбылось“, — так говорил старый Мелхиседек.

Однако ни о разбойниках, ни о бескрайних пустынях, ни о людях, которые хоть и мечтают, но не желают эти свои мечты осуществлять, старик и словом не обмолвился. Он не говорил ему, что пирамиды — это всего лишь груда камней и каждый, когда ему вздумается, может у себя в саду нагромоздить такую. Он позабыл ему сказать, что, когда у него заведутся деньги на покупку

овец, он должен будет этих овец купить.

Сантьяго взял свою котомку и присоединил ее к остальным вещам. Спустился по лестнице. Хозяин обслуживал чету иностранцев, а еще двое покупателей расхаживали по лавке, попивая чай из хрустальных стаканов. Для раннего часа посетителей было много. Только сейчас Сантьяго вдруг заметил, что волосы хозяина напоминают волосы Мелхиседека. Ему вспомнилось, как улыбался кондитер, когда ему в первый день в Танжере некуда было идти и нечего есть, — и эта улыбка тоже напомнила ему старого царя.

„Словно он прошел тут и оставил на всем следы своего присутствия, — подумал он. — Словно все эти люди в какую-то минуту своей жизни уже встречались с ним. Но ведь он так и говорил мне, что всегда является тому, кто идет Своей Стезей”.

Он ушел не прощаясь — не хотел плакать при чужих. Но он понимал, что будет тосковать по всему этому, по всем тем прекрасным вещам, которым научился здесь. Он обрел уверенность в себе и желание покорить мир.

„Ведь я опять иду в знакомые места пасти овец”, — подумал он, но почему-то решение ему разонравилось. Целый год он работал, чтобы осуществить свою мечту, а она вдруг стала с каждой минутой терять свою привлекательность. Может быть, это и не мечта вовсе?

Да может быть, мне стать таким, как Продавец Хрустала? Всю жизнь мечтать о Мекке, но так туда и не собраться?” — думал он, но камни, которые он держал в руках, словно передали ему силу и решимость старого царя. По странному совпадению — или это и был знак? — он вошел в ту самую харчевню, что и в свой первый день в Танжере. Конечно, того жулика там не было. Хозяин принес ему чашку чаю.

„Я всегда успею вернуться в пастухи, — думал Сантьяго. — Я научился пасти и стричь овец и уже никогда не забуду, как это делается. Но мне может не представиться другой возможности попасть к египетским пирамидам. Старик носил золотой нагрудник и знал всю мою историю. Это всамделишный царь, и к тому же мудрец”.

Только два часа пути отделяли его от равнин Андалусии, а между ним и пирамидами лежала бескрайняя пустыня. Но он понял, что можно взглянуть на это и по-другому: путь к сокровищу стал на два часа короче, хоть он сам при этом и потерял целый год.

„Почему я хочу вернуться к своим овцам — мне известно. Потому что я знаю их, потому что люблю их и потому что с ними хлопот немного. А вот можно ли любить пустыню? Но ведь именно пустыня скрывает мое сокровище. Не сумею найти его — вернусь домой. Так уж случилось, что у меня сейчас есть и деньги, и время — так отчего бы не попробовать?”

В эту минуту он почувствовал огромную радость. Путь в пастухи ему всегда открыт. И всегда можно сделаться торговцем хрусталем. Конечно, в мире скрыто много иных сокровищ, но ведь именно ему, а не кому-нибудь другому дважды приснился один и тот же сон и встретился старый царь.

Он вышел из харчевни довольный собой. Он вспомнил, что один из поставщиков товара привозил хрусталь его хозяину с караванами, пересекавшими пустыню. Сантьяго сжимал в руках Урим и Тумим — благодаря этим камням он снова решил идти к своему сокровищу.

„Я всегда рядом с тем, кто идет Своей Стезей”, — вспомнились ему слова Мелхиседека.

Проще простого: пойти на торговый склад да и спросить, правда ли, что пирамиды так далеко, как говорят.

Помещение, где сидел англичанин, больше напоминало хлев, и пахло там потом, пылью, скотиной. „Стоило десять лет учиться, чтобы оказаться в такой дыре”, — думал он, рассеянно перелистывая химический журнал.

Однако отступать было некуда. Надо было следовать знакам. Всю свою жизнь он посвятил тому, чтобы отыскать тот единственный язык, на котором говорит Вселенная, — для того и учился. Сначала он увлекся эсперанто, потом религиями и наконец — алхимией. И вот теперь он свободно говорил на эсперанто, досконально знал историю разных вер, однако алхимиком еще не стал. Да, конечно, кое-какие тайны он открыл, но вот сейчас намертво застрял и уже не мог продвинуться в своих исследованиях ни на шаг. Он тщетно пытался попросить помощи еще у какого-нибудь алхимика — все они были люди чудаковатые, думали только о себе и почти всегда отказывали в совете и содействии. Может быть, они так и не сумели постичь тайну Философского Камня и оттого замыкались в себе?

Англичанин уже истратил на бесплодные поиски часть отцовского наследства. Он ходил в

самые лучшие на свете библиотеки, покупал самые редкие, самые важные книги по алхимии — и вот в одной из таких книг вычитал, что много лет назад знаменитый арабский алхимик побывал в Европе. Уверяли, что ему больше двухсот лет, что он нашел Философский Камень и открыл Эликсир Бессмертия. На англичанина это произвело сильное впечатление, но все бы это так легендой и осталось, если бы один его приятель, вернувшись из археологической экспедиции в пустыню, не рассказал ему о некоем арабе, наделенном сверхъестественными дарованиями. Живет он в оазисе Эль-Фаюм. Ему, по слухам, двести лет, и он умеет превращать любой металл в золото.

Англичанин тотчас отменил все свои дела и встречи, собрал самые нужные и важные книги — и вот он здесь, в дощатом бараке, похожем на хлев, а за его стенами большой караван, который собирается идти через пустыню Сахару, и путь его будет пролегать мимо оазиса Эль-Фаюм.

„Я должен своими глазами посмотреть на этого проклятого алхимика“, — подумал англичанин, и даже вонь верблюдов показалась ему в эту минуту не такой уж невыносимой.

Тут к нему подошел молодой араб с дорожными мешками за спиной и поздоровался с ним.

— Куда вы направляетесь? — спросил он.

— В пустыню, — отвечал англичанин и снова взялся за чтение.

Ему было не до разговоров: надо вспомнить все, что он выучил за десять лет; вполне возможно, что алхимик захочет проверить его познания.

Юноша тем временем достал из заплечного мешка книгу и тоже стал читать. Англичанин заметил, что книга испанская. „Это хорошо“, — подумал он, потому что по-испански говорил лучше, чем по-арабски. Если этот юноша тоже отправится в Эль-Фаюм, можно будет с ним поговорить в свободное время.

„Забавно, — думал тем временем Сантьяго, в очередной раз перечитывая сцену похорон, которой начиналась книга. — Вот уж почти два года, как я взялся за нее, а до сих пор не сдвинулся дальше этих страниц“.

Рядом не было царя Мелхиседека, и все равно он не мог сосредоточиться. Кроме того, отвлекали его мысли о том, верное ли решение он принял. Однако он понимал главное: решение в любом деле — это всего лишь начало. Когда человек решается на что-то, то словно ныряет в стремительный поток, который унесет его туда, где он никогда и не помышлял оказаться.

„Отправляясь на поиски сокровищ, я и не предполагал, что буду работать в лавке, торгующей хрусталем. Точно так же этот караван может оказаться моим решением, но путь его так и останется тайной“.

Перед ним сидел европеец и тоже читал книгу. Сантьяго он показался человеком несимпатичным: когда юноша вошел в барак, тот поглядел на него неприязненно. Это, впрочем, ничего — они все равно могли бы подружиться, если бы он не оборвал разговор.

Юноша закрыл книгу — ему ничем не хотелось походить на этого иностранца. Вынул из кармана Урим и Тумим и стал перебирать их.

— Урим и Тумим! — вскричал вдруг европеец.

Сантьяго поспешно спрятал камни.

— Не продаются, — сказал он.

— Да и стоят недорого, — ответил тот. — Обыкновенные кристаллы, ничего особенного. На свете миллионы таких камешков, однако человек понимающий сразу узнает Урим и Тумим. Но я и не подозревал, что они встречаются в этих краях.

— Мне подарил их царь, — ответил юноша.

Чужеземец, словно лишившись дара речи, дрожащей рукой достал из кармана два камня — такие же, как у Сантьяго.

— Ты говорил с царем, — сказал он.

— А ты ведь не верил, что цари говорят с пастухами, — сказал Сантьяго, у которого пропала охота продолжать беседу.

— Наоборот. Пастухи первыми признали Царя, когда его еще не знал никто в мире. Так что вполне вероятно: цари разговаривают с пастухами, — и англичанин добавил, словно опасаясь, что юноша не понял: — Об этом есть в Библии, в той самой книге, которая научила меня, как сделать Урим и Тумим. Бог разрешал гадать только на этих камнях. Жрецы носили их на золотых нагрудниках.

Теперь уж Сантьяго не жалел о том, что пришел на склад.

— Быть может, это знак, — промолвил, как бы размышляя вслух, англичанин.

— Кто сказал тебе о знаках? — интерес Сантьяго рос с каждым мгновением.

— Все на свете — знаки, — сказал англичанин, откладывая свою газету. — Давным-давно люди говорили на одном языке, а потом забыли его. Вот этот-то Всеобщий Язык, помимо прочего, я и ищу. Именно поэтому я здесь. Я должен найти человека, который владеет этим Всеобщим Языком. Алхимика.

Разговор их был прерван появлением хозяина склада.

— Повезло вам, — сказал этот тучный араб. — Сегодня после обеда в Эль-Фаюм отправится караван.

— Но мне нужно в Египет! — воскликнул Сантьяго.

— Эль-Фаюм находится в Египте. Ты откуда родом?

Сантьяго ответил, что он из Испании. Англичанин обрадовался: хоть и одет на арабский манер, а все же европеец.

— Он называет знаки везением, — сказал он, когда хозяин вышел. — О, если бы я только мог, то написал бы толстенную энциклопедию о словах „везение" и „совпадение". Именно из этих слов состоит Всеобщий Язык.

И добавил, что встреча его с Сантьяго, тоже обладающим камнями Урим и Тумим, была не простым совпадением. Потом осведомился, не Алхимика ли разыскивает юноша.

— Я ищу сокровища, — ответил тот и, спохватившись, прикусил язык.

Однако англичанин вроде бы не придал значения его словам и только сказал:

— В каком-то смысле — я тоже.

— Я и не знаю толком, что такое алхимия, — сказал Сантьяго, но тут снаружи раздался голос хозяина, звавшего их.

— Я поведу караван, — сказал им во дворе длиннородый темноглазый человек. — В моих руках жизнь и смерть всех, кто пойдет со мной, потому что пустыня — особа взбалмошная и порою сводит людей с ума.

Готовились тронуться в путь человек двести, а животных — верблюдов, лошадей, ослов — было чуть ли не вдвое больше. У англичанина оказалось несколько чемоданов, набитых книгами. Во дворе толпились женщины, дети и мужчины с саблями у пояса и длинными ружьями за спиной. Стоял такой шум, что Вожатому пришлось несколько раз повторить свои слова.

— Люди здесь собрались разные, и разным богам они молятся. Я же признаю только Аллаха, а потому именем его клянусь, что приложу все усилия для того, чтобы еще раз одержать верх над пустыней. Теперь пусть каждый поклянется тем богом, в которого верует, что будет повиноваться мне, как бы ни сложились обстоятельства. В пустыне неповиновение — это гибель.

Раздался приглушенный гул голосов — это каждый обратился к своему богу. Сантьяго поклялся именем Христа. Англичанин промолчал. Это продолжалось дольше, чем нужно для клятвы — люди просили у небес защиты и покровительства.

Потом послышался протяжный звук рожка, и каждый сел в седло. Сантьяго и англичанин, купившие себе по верблюду, не без труда взобрались на них. Юноша увидел, как тяжело нагружил его спутник своего верблюда чемоданами книг, и пожалел бедное животное.

— А между тем, никаких совпадений не существует, — словно продолжая давешний разговор, сказал англичанин. — Меня привез сюда один мой друг. Он знал арабский язык и...

Но слова его потонули в шуме тронувшегося каравана. Однако Сантьяго отлично знал, что имел в виду англичанин: существует таинственная цепь связанных друг с другом событий. Это она заставила его пойти в пастухи, дважды увидеть один и тот же сон, оказаться неподалеку от африканского побережья, встретить в этом городке царя, стать жертвой мошенника и наняться в лавку, где продают хрусталь, и...

„Чем дальше пройдешь по Своей Стезе, тем сильней она будет определять твою жизнь", — подумал юноша.

Караван двигался на запад. Выходили рано поутру, останавливались на привал, когда солнце жгло нещадно, пережидали самый зной и потом снова трогались в путь. Сантьяго мало разговаривал с англичанином — тот по большей части не отрывался от книги.

Юноша молча разглядывал спутников, вместе с ним пересекавших пустыню. Теперь они были не похожи на тех, какими были перед началом пути — тогда царила суэта: крики, детский плач и ржание коней сливались с возбужденными голосами купцов и проводников.

А здесь, в пустыне, безмолвие нарушали лишь посвист вечного ветра да скрип песка под но-

гами животных. Даже проводники хранили молчание.

— Я много раз пересекал эти пески, — сказал как-то ночью один погонщик другому. — Но пустыня так велика и необозрима, что и сам поневоле почувствуешь себя песчинкой. А песчинка нема и безгласна.

Сантьяго понял, о чем говорил погонщик, хотя попал в пустыню впервые. Он и сам, глядя на море или в огонь, часами мог не произносить ни слова, ни о чем не думая и как бы растворяясь в безмерной силе стихий.

„Я учился у овец, учился у хрустала, — думал он. — Теперь меня будет учить пустыня. Она кажется мне самой древней и самой мудрой из всего, что я видел прежде“.

А ветер здесь не стихал ни на миг, и Сантьяго вспомнил, как ощутил его дуновение, стоя на башне в Тарифе. Должно быть, тот же самый ветер слегка ерошил шерсть его овец, бродивших по пастбищам Андалусии в поисках корма и воды.

„Теперь они уж больше не мои, — думал он без особенной грусти. — Забыли меня, наверно, привыкли к новому пастуху. Ну и хорошо. Овцы, как и каждый, кто странствует с места на место, знают, что разлуки неизбежны“.

Тут ему вспомнилась дочка суконщика — должно быть, она уже вышла замуж. За кого? Может, за продавца кукурузы? Или за пастуха, который тоже умеет читать и рассказывать невероятные истории — Сантьяго не один такой. То, что он почему-то был в этом уверен, произвело на юношу сильное впечатление: может, и он овладел Всеобщим Языком и знает теперь настоящее и прошлое всех на свете? „Предчувствие“ — так называла этот дар его мать. Теперь он понимал, что это — быстрое погружение души во вселенский поток жизни, в котором судьбы всех людей связаны между собой. Нам дано знать все, ибо все уже записано.

— Мактуб, — промолвил юноша, вспомнив Торговца Хрусталем.

Пустыня песчаная иногда вдруг становилась пустыней каменной. Если караван оказывался перед валуном, он его огибал, а если перед целой россыпью камней — шел в обход. Если песок был таким рыхлым и мелким, что копыта верблюдов увязали в нем, — искали другой путь. Иногда шли по соли — значит, на этом месте было когда-то озеро, — и вьючные животные жалобно ржали. Погонщики спешивались, оглаживали их и успокаивали, потом взваливали кладь себе на плечи, переносили ее через предательский отрезок пути и вновь навьючивали верблюдов и лошадей. Если же проводник заболел или умирал, товарищи его бросали жребий: кто поведет его верблюдов.

Все это происходило по одной-единственной причине: как бы ни кружил караван, сколько бы раз ни менял он направление, к цели он двигался неуклонно. Одолев препоны, снова шел на звезду, указывавшую, где расположен оазис. Увидев, как блещет она в утреннем небе, люди знали: она ведет их туда, где они найдут прохладу, воду, пальмы, женщин. Один только англичанин не замечал этого, потому что почти не отрывался от книги.

Сантьяго в первые дни тоже пытался читать. Однако потом понял, что куда интересней смотреть по сторонам и слушать шум ветра. Он научился понимать своего верблюда, привязался к нему, а потом и вовсе выбросил книгу. Это лишняя тяжесть, понял он, хоть ему и казалось по-прежнему, что каждый раз, как откроет он книгу, в ней отыщется что-нибудь интересное.

Мало-помалу он сдружился с погонщиком, державшимся рядом с ним. Вечерами, когда останавливались на привал и разводили костры, Сантьяго рассказывал ему всякие случаи из своей пастушеской жизни.

А однажды погонщик начал говорить о себе.

— Я жил в деревушке неподалеку от Эль-Кайрума. Был у меня дом и сад, были дети, и я сгласен был жить так до самой смерти. Однажды, когда урожай был особенно хорош, мы на вырученные за него деньги всей семьей отправились в Мекку — так я выполнил свой долг верующего и теперь уж мог умереть с чистой совестью. Я всем был доволен.

Но вот задрожала земля, Нил вышел из берегов. То, что — казалось мне раньше — ко мне отношения не имеет, теперь коснулось и меня. Соседи опасались, как бы разлив не смыл их оливковые деревья, жена тревожилась за детей. Я с ужасом смотрел, как погибает все нажитое и достигнутое.

Земля после того перестала родить — мне пришлось добывать себе пропитание другим способом. Так я сделался погонщиком верблюдов. Тогда и открылся мне смысл слов Аллаха: не надо бояться неведомого, ибо каждый способен обрести то, чего хочет, получить — в чем нуждается.

Мы все боимся утратить то, что имеем, будь то наши посеы или самая жизнь. Но страх этот проходит, стоит лишь понять, что и наша история, и история мира пишутся одной и той же рукой.

Иногда встречались два каравана. И не было еще случая, чтобы у одних путников не нашлось того, в чем нуждались другие. Словно и впрямь все на свете написано одной рукой. Погонщики рассказывали друг другу о пыльных бурях и, сев в кружок у костра, делились наблюдениями над повадками пустыни.

Бывало, что к огню приходили и таинственные бедуины, до тонкостей знавшие путь, которым следовал караван. Они предупреждали, где нужно опасаться нападения разбойников и диких племен, а потом исчезали так же молча, как появлялись, словно растворяясь во тьме.

Вот в один из таких вечеров погонщик подошел к костру, у которого сидели Сантьяго и англичанин.

— Прошел слух, будто началась война между племенами.

Наступила тишина. Сантьяго почувствовал, что, хотя ни слова больше не было сказано, в воздухе повисла тревога. Еще раз убедился он, что понимает беззвучный Всеобщий Язык.

Молчание нарушил англичанин, осведомившийся, опасно ли это для них.

— Когдаходишь в пустыню, назад пути нет, — ответил погонщик. — А раз так, то нам остается только идти вперед. Остальное решит за нас Аллах, он же и отведет от нас беду, — и добавил таинственное слово: — Мактуб.

— Ты напрасно не обращаешь внимания на караван, — сказал Сантьяго англичанину, когда погонщик отошел от них. — Присмотришься: как бы ни петлял он, однако неуклонно стремится к цели.

— А ты напрасно не читаешь о мире, — отвечал тот. — Книги заменяют наблюдения.

Люди и животные шли теперь быстрее. Если раньше они проводили в молчании дни, а собираясь на привале у костров, вели беседы, то теперь безмолвны стали и вечера. А потом Вожатый запретил разводить костры, чтобы не привлекать к каравану внимания.

Чтобы спастись от холода, путники ставили верблюдов и лошадей в круг, а сами ложились вповалку внутри его. Вожатый назначал вооруженных часовых, которые охраняли бивак.

Как-то ночью англичанину не спалось. Он позвал Сантьяго, и они начали прогуливаться вокруг стоянки. Светила полная луна, и Сантьяго взял да и рассказал англичанину всю свою историю.

Особенно потрясло того, что юноша способствовал процветанию лавки, где торговали изделиями из хрустала.

— Вот что движет миром, — сказал он. — В алхимии это называется Душа Мира. Когда ты чего-нибудь желаешь всей душой, то приобщаешься к Душе Мира. А в ней заключена огромная сила.

И добавил, что это свойство не одних только людей — все на свете, будь то камень, растение, животное или даже мысль, наделено душой.

— Все, что находится на земле, постоянно изменяется, потому что и сама земля — живая и тоже обладает душой. Все мы — часть этой Души, но сами не знаем, что она работает на наше благо. Но ты, работая в лавке, должен был понять, что даже хрусталь способствовал твоему успеху.

Сантьяго слушал молча, поглядывая то на луну, то на белый песок.

— Я видел, как идет караван через пустыню, — сказал он наконец. — Он говорит с ней на одном языке, и потому-то она и позволяет ему пройти через себя. Пустыня проверит и испытает каждый его шаг и, если убедится, что он в безупречном созвучии с нею, допустит до оазиса. А тот, кто наделен отвагой, но не владеет этим языком, погибнет в первый же день пути.

Теперь оба глядели на луну.

— Это и есть магия знаков, — продолжал Сантьяго. — Я вижу, как проводники читают знаки пустыни, — это душа каравана говорит с душой пустыни.

После долгого молчания подал наконец голос и англичанин:

— Мне стоит обратить внимание на караван.

— А мне — прочесть твои книги, — отвечал юноша.

Странные это были книги. Речь в них шла о ртути и соли, о драконах и царях, но Сантьяго, как ни старался, не понимал ничего. И все же одна мысль, повторявшаяся во всех книгах, до него дошла: все на свете — это разные проявления одного и того же.

Из одной книги он узнал, что самые важные сведения об алхимии — это всего несколько строчек, выведенных на изумруде.

— Это называется „Изумрудная скрижаль“, — сказал англичанин, гордый тем, что может чему-то научить своего спутника.

— Но для чего же тогда столько книг?

— Для того, чтобы понять эти несколько строчек, — отвечал англичанин не слишком уверенным тоном.

Больше всего заинтересовала Сантьяго книга, рассказывающая о знаменитых алхимиках. То были люди, посвятившие всю свою жизнь очистке металлов в лабораториях: они верили, что, если в продолжение многих и многих лет обрабатывать какой-нибудь металл, он в конце концов потеряет все свойства, присущие ему одному, и обретет Душу Мира. И ученые тогда смогут постичь смысл любой вещи, существующей на земле, ибо Душа Мира и есть тот язык, на котором все они говорят между собой. Они называют это открытие Великим Творением, а состоит оно из двух элементов: твердого и жидкого.

— А разве недостаточно просто изучать людей и знаки, чтобы овладеть этим языком? — осведомился Сантьяго.

— Как ты любишь все упрощать! — раздраженно ответил англичанин. — Алхимия — наука серьезная. Она требует, чтобы каждый шаг совершался в полном соответствии с тем, как учат мудрецы.

Юноша узнал, что жидкий элемент Великого Творения называется Эликсир Бессмертия — он, помимо того что продлевает век алхимика, исцеляет все болезни. А твердый элемент — это Философский Камень.

— Отыскать его нелегко, — сказал англичанин. — Алхимики годами сидят в своих лабораториях, следя, как очищается металл. Они так часто и так подолгу глядят в огонь, что мало-помалу освобождаются от всякой мирской суетности и в один прекрасный день замечают, что, очищая металл, очистились и сами.

Тут Сантьяго вспомнил Торговца Хрусталем, который говорил, что когда моешь стаканы, то и сам освобождаешь душу от всякой пакости. Юноша все больше убеждался в том, что алхимии можно научиться и в повседневной жизни.

— А кроме того, — продолжал англичанин, — Философский Камень обладает поразительным свойством: крохотной части его достаточно, чтобы превратить любое количество любого металла в золото.

Услышав это, Сантьяго очень заинтересовался алхимией. Он подумал, что надо лишь немного терпения — и можно будет превращать в золото все что угодно. Он ведь читал жизнеописания тех, кому это удалось: Гельвеция, Элиаса, Фульканелли, Гебера, — и истории эти приводили его в восторг. Всем этим людям удалось до конца пройти Своей Стезей. Они странствовали по свету, встречались с учеными мудрецами, творили чудеса, чтобы убедить сомневающихся, владели Философским Камнем и Эликсиром Бессмертия.

Однако когда Сантьяго попытался по книгам понять, что же такое Великое Творение, то стал в тупик — там были только странные рисунки, зашифрованные наставления и непонятные тексты.

— Почему они так замысловато пишут? — спросил он однажды вечером у англичанина, который явно досадовал на то, что лишился своих книг.

— Потому что понимать их дано лишь тем, кто сознает ответственность этого, — отвечал англичанин. — Представь, что начнется, если все кому не лень начнут превращать свинец в золото. Очень скоро оно потеряет всякую ценность. Только упорным и знающим откроется тайна Великого Творения. А я оказался посреди пустыни, чтобы встретить настоящего алхимика, который поможет мне расшифровать таинственные записи.

— А когда были написаны эти книги? — спросил он.

— Много веков назад.

— Много веков назад еще не было типографского станка, — возразил Сантьяго. — И все равно алхимией способен овладеть далеко не каждый. Почему же это написано таким таинственным языком и рисунки такие загадочные?

Англичанин ничего не ответил. Лишь потом, помолчав немного, сказал, что уже несколько дней внимательно присматривается к каравану, но ничего нового не заметил. Вот только о войне племен поговаривать путешественники стали все чаще.

И в один прекрасный день Сантьяго вернул англичанину его книги.

— Ну, и что же ты там понял? — с надеждой спросил тот: ему хотелось поговорить с кем-нибудь понимающим, чтобы отвлечься от тревожных мыслей.

— Понял я, что у мира есть душа, и тот, кто постигнет эту душу, поймет и язык всего сущего. Еще понял, что многие алхимики нашли Свою Стезю и открыли Душу Мира, Философский Камень и Эликсир Бессмертия, — сказал юноша, а про себя добавил: “А самое главное — я понял, что все это так просто, что уместится на грани изумруда”.

Англичанин почувствовал разочарование. Ни то, что он так долго учился, ни магические символы, ни мудреные слова, ни реторты и колбы — ничего не произвело впечатления на Сантьяго. „Он слишком примитивен, чтобы понять это”, — подумал англичанин. Он собрал свои книги и снова засунул их в чемоданы, навьюченные на верблюда.

— Изучай свой караван, — сказал он. — Мне от него было так же мало проку, как тебе — от моих книг.

И Сантьяго снова принялся внимать безмолвию пустыни и глядеть, как вздымают песок ноги верблюдов. „У каждого свой способ учения, — подумал он. — Ему не годится мой, а мне — его. Но мы оба отыскиваем Свою Стезю, и я его за это уважаю”.

Караван шел теперь и по ночам. Время от времени появлялись бедуины, что-то сообщали Вожатому. Погонщик верблюдов, подружившийся с Сантьяго, объяснил, что война между племенами все-таки началась. Большим везением будет, если караван сумеет добраться до оазиса.

Верблюды и лошади выбивались из сил, люди становились все молчаливее, и в ночной тишине даже конское ржание или фыркание верблюда, которые раньше были просто ржанием или фырканием, теперь внушали всем страх, потому что могли означать приближение врага.

Погонщика, впрочем, близкая опасность не пугала.

— Я жив, — объяснял он Сантьяго однажды ночью, когда не светила луна и не разводили костров. — Вот я ем сейчас финики и ничем другим, значит, не занят. Когда еду — еду и ничего другого не делаю. Если придется сражаться, то день этот будет так же хорош для смерти, как и всякий другой. Ибо живу я не в прошлом и не в будущем, а сейчас, и только настоящая минута меня интересует. Если бы ты всегда мог оставаться в настоящем, то был бы счастливейшим из смертных. Ты бы понял тогда, что пустыня не безжизненна, что на небе светят звезды и что войны сражаются, потому что этого требует их принадлежность к роду человеческому. Жизнь стала бы тогда вечным и нескончаемым праздником, ибо в ней не было бы ничего, кроме настоящего момента.

Спустя двое суток, когда путники укладывались на ночлег, Сантьяго взглянул на звезду, указывавшую им путь к оазису. Ему показалось, что линия горизонта стала ниже: в небе над пустыней сияли сотни звезд.

— Это и есть оазис, — сказал погонщик.

— Так почему же мы не идем туда?

— Потому что нам надо поспать.

Сантьяго открыл глаза, когда солнце начало вставать из-за горизонта. А там, где ночью сверкали звезды, тянулась вдоль пустыни бесконечная цепь тамариндов.

— Мы дошли! — воскликнул англичанин, который тоже только что проснулся.

Сантьяго промолчал. Он научился этому у пустыни, и теперь ему достаточно было просто смотреть на деревья. До пирамид было еще далеко. Когда-нибудь и это утро станет для него всего лишь воспоминанием. Но сейчас он жил настоящей минутой и радовался ей, как советовал погонщик, и пытался связать ее с воспоминаниями о прошлом и с мечтами о будущем. Да, когда-нибудь эти тысячи тамариндов превратятся в воспоминание, но в этот миг они означали прохладу, воду и безопасность. И так же, как крик верблюда в ночи мог означать приближение врага, цепочка тамариндов возвещала чудо избавления.

„Мир говорит на многих языках”, — подумал Сантьяго.

„Когда время летит быстрее, караваны тоже прибавляют шагу”, — подумал Алхимик, глядя, как входят в оазис сотни людей и животных. Слышались крики жителей и вновь прибывших, пыль стояла столбом, застилая солнце, прыгали и визжали дети, рассматривая чужаков. Алхимик понимал, что вожди племени приблизились к вожатому и завели с ним долгий разговор.

Однако все это его не интересовало. Много людей приходили и уходили, а оазис и пустыня пребывали вечными и неизменными. Он видел, как ноги царей и нищих ступали по этому песку,

который, хоть и менял все время по воле ветра свою форму, тоже оставался прежним — таким, каким с детства помнил его Алхимик. И все-таки ему передавалась радость, возникающая в душе каждого путешественника при виде того, как на смену синему небу и желтому песку появляются перед глазами зеленые кроны тамариндов. „Быть может, Бог и сотворил пустыню для того, чтобы человек улыбался деревьям“, — подумал он.

А потом решил сосредоточиться на вещах более практических. Он знал — знаки подсказали ему, — что с этим караваном придет человек, которому следует передать часть своих тайных знаний. Алхимик, хоть и не был знаком с этим человеком, был уверен, что опытным взглядом сумеет выделить его из толпы, и надеялся, что тот будет не хуже, чем его предшественник.

„Непонятно только, почему все, что я знаю, надо прошептать ему на ухо“, — думал Алхимик. Вовсе не потому, что это тайны, ибо Бог щедро являет их всем своим чадам.

Алхимик находил этому одно объяснение: то, что подлежало передаче, есть плод Чистой Жизни, которую трудно запечатлеть в словах или рисунках. Потому что люди имеют склонность, увлекаясь словами и рисунками, забывать в конце концов Всеобщий Язык.

Новоприбывших немедля привели к местным вождям. Сантьяго глазам своим не верил: оазис оказался вовсе не колодцем с двумя-тремя пальмами, как написано в книжках по истории, — он был гораздо больше иных испанских деревень. И колодцев там было три сотни, а пальм — пятьдесят тысяч, а между ними стояли бесчисленные разноцветные шатры.

— „Тысяча и одна ночь“, — сказал англичанин, которому не терпелось поскорее встретиться с Алхимиком.

Их тотчас окружили дети, с любопытством глазевшие на лошадей, верблюдов и людей. Мужчины расспрашивали, случалось ли путникам видеть бои, а женщины хотели знать, какие ткани и самоцветы привезли с собой купцы. Безмолвие пустыни воспринималось теперь как далекий сон — стоял неумолчный говор, слышался смех и крики, и казалось, что путники были раньше бесплотными духами, а теперь вновь становятся людьми из мяса и костей. Они были довольны и счастливы.

Погонщик объяснил Сантьяго, что оазисы всегда считались как бы ничейной землей, потому что населяли их в основном женщины и дети. Считалось, что они не за тех и не за этих, и войны сражались между собой в песках пустыни, оставляя оазисы как убежище.

Вожатый не без труда собрал всех и объявил, что караван останется в оазисе до тех пор, пока не стихнет межплеменная рознь. Путники найдут приют в шатрах местных жителей, которые окажут им гостеприимство, как велит Закон. После чего он попросил всех, у кого есть оружие, сдать его. Исключением не стали и те, кто охранял караван по ночам.

— Таковы правила войны, — объяснил он. — Оазис не может принимать солдат или воинов.

Сантьяго очень удивился, когда англичанин вытащил из кармана хромированный револьвер и отдал его сборщику.

— Зачем тебе револьвер? — спросил юноша.

— Чтобы научиться доверять людям, — ответил англичанин: он был очень доволен тем, что совсем скоро отыщет то, за чем пустился в путь.

А Сантьяго продолжал размышлять о своем сокровище. Чем ближе он был к осуществлению своей мечты, тем больше трудностей оказывалось на его пути. То, что старый царь Мелхиседек называл „новичкам везет“, перестало действовать, а действовали, как он понимал, упорство и отвага человека, отыскивающего Свою Стезю. А потому он не мог ни торопиться, ни потерять терпение, иначе знаки, которые Господь расставил на его пути, могут так и остаться неувиденными.

„Господь расставил“, — повторил он про себя, удивляясь этой мысли. До сих пор ему казалось, что эти знаки — часть мира, то же, что голод или жажда, поиски любви или работы. Он не думал, что это язык, на котором говорит с ним Бог, показывая, чего хочет от него.

„Не торопись, — сказал он себе. — Как говорил погонщик верблюдов, ешь в час еды, а придет час пути — отправляйся в путь“.

В первый день все, включая англичанина, отсыпались с дороги. Сантьяго поместили в шатер с пятью другими юношами примерно его возраста. Все они были местные и потому очень хотели разузнать, как живут в больших городах.

Он уже успел рассказать им, как пас овец, и только собирался перейти к своей работе в лавке хрустальных изделий, как в шатер вошел англичанин.

— Все утро тебя ищу, — сказал он, вытаскивая Сантьяго наружу. — Ты мне нужен. Помоги

мне найти Алхимика.

Двое суток они искали его поодиночке, полагая, что живет Алхимик не так, как другие, и очень вероятно, что в его шатре всегда топится очаг. Они бродили из конца в конец оазиса, покуда не поняли, что он гораздо больше, чем им казалось поначалу, — там было несколько сотен шатров.

— Целый день потеряли впустую, — сказал англичанин, присаживаясь возле одного из колодцев.

— Надо бы расспросить о нем, — сказал Сантьяго.

Однако англичанин колебался — ему не хотелось обнаруживать свое присутствие. Но в конце концов он согласился и попросил Сантьяго, который хорошо говорил по-арабски, навести справки об Алхимике. И юноша обратился к женщине, подошедшей к колодцу, чтобы наполнить водой бурдюк.

— Здравствуйте. Не знаете ли, где бы нам найти Алхимика? — спросил он.

Женщина ответила, что никогда не слышала о таком, и тотчас ушла. Правда, перед этим предупредила Сантьяго, что он должен уважать обычай и не обращаться к замужним женщинам, одетым в черное.

Разочарованию англичанина не было предела. Прodelать такой путь — и все впустую! Юноша тоже был огорчен за него — ведь и его спутник искал Свою Стезю. А в этом случае, по словам Мелхиседека, Вселенная приходит на помощь человеку, делая все, чтобы он преуспел. Неужели старый царь ошибся?

— Я раньше никогда не слышал об алхимиках, — сказал он. — А то бы постарался тебе помочь.

Глаза англичанина сверкнули.

— Ну конечно! — вскричал он. — Здесь никто не знает о том, что он Алхимик! Надо спрашивать о человеке, который может вылечить любой недуг!

К колодцу подошли несколько женщин в черном, но Сантьяго, как ни просил его англичанин, не задал им вопроса. Но вот наконец появился и мужчина.

— Вы не знаете здесь человека, который лечит все болезни? — спросил юноша.

— Все болезни лечит только Аллах, — отвечал тот, испуганно оглядев чужеземцев. — Вы ищете колдунов?

Он пробормотал несколько сур из Корана и пошел своей дорогой.

Через какое-то время появился другой; он был постарше, а в руке нес ведро. Сантьяго задал ему тот же вопрос.

— Зачем вам такие люди? — осведомился он.

— Мой друг проделал долгий путь, чтобы найти его.

— Если в нашем оазисе есть такой, он должен быть очень могущественным человеком, — подумав, сказал старик. — Даже вожди племени не могут увидеть его, когда пожелают. Они встречаются, когда этого хочет он. Переждите здесь войну, а потом уходите. Не надо вам вмешиваться в жизнь нашего оазиса, — и он ушел.

Однако англичанин, почуяв, что напал на след, очень обрадовался.

А к колодцу подошла, наконец, незамужняя женщина в черном, а девушка с кувшином на плече. На голове у нее было покрывало, но лицо открыто. Сантьяго решил расспросить у нее об Алхимике и подошел поближе.

И тут — словно бы время остановилось и Душа Мира явилась перед ним во всем своем могуществе. Взглянув в черные глаза этой девушки, на ее губы, словно не знавшие, что им сделать: оставаться ли сомкнутыми или дрогнуть в улыбке, — Сантьяго в один миг уразумел самую важную, самую мудреную часть того языка, на котором говорит мир и который все люди постигают сердцем. Она называется Любовь, она древнее, чем род человеческий, чем сама эта пустыня. И она своевольно проявляется, когда встречаются глазами мужчина и женщина — так произошло и сейчас, у этого колодца. Губы девушки решили наконец улыбнуться, и это был знак, тот самый знак, которого Сантьяго, сам того не зная, ждал так долго, который искал у своих овец и в книгах, в хрустале и в безмолвии пустыни.

Это был чистый и внятный язык, не нуждавшийся в переводе и объяснениях, как не нуждается в них Вселенная, свершающая свой путь в бесконечности. Сантьяго же в ту минуту понял только, что стоит перед своей суженой, и та без слов тоже должна понять это. Он был уверен в

этом со всей непреложностью — больше, чем в том, что он сын своих родителей, хотя родители наверняка сказали бы, что надо сначала влюбиться, посвататься, узнать человека как следует, скопить денег, а уж потом жениться. Но тот, кто дает такой совет, не владел Всеобщим Языком, ибо, когда погрузишься в него, становится ясно: посреди ли пустыни или в большом городе — всегда один человек ждет и ищет другого. И когда пути этих двоих сходятся, когда глаза их встречаются, и прошлое и будущее теряют всякое значение, а существует лишь одна эта минута и невероятная уверенность в том, что все на свете написано одной и той же рукой. Рука эта пробуждает в душе любовь и отыскивает душу-близнеца для всякого, кто работает, отдыхает или ищет сокровища. А иначе в мечтах, которыми обуреваем род людской, не было бы ни малейшего смысла.

„Макгуб“, — подумал юноша.

Англичанин вскочил с места и потряс Сантьяго за плечо:

— Ну, спроси же ее!

Сантьяго приблизился к девушке. Она с улыбкой обернулась к нему, и он улыбнулся в ответ.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Фатима, — потупившись, отвечала она.

— В тех краях, откуда я родом, многие женщины тоже носят такое имя.

— Так звали дочь Пророка, — отвечала Фатима. — Наши воины принесли это имя в дальние земли.

В словах этой хрупкой и изящной девушки звучала гордость. Англичанин нетерпеливо подталкивал Сантьяго, и тот спросил, не знает ли она человека, исцеляющего все болезни.

— Он владеет всеми тайнами мира. Он разговаривает с джиннами пустыни.

Джинн — это демон. Девушка показала на юг — в той стороне и жил человек, которого они искали. Потом набрала воды в свой кувшин и ушла.

Англичанин отправился искать Алхимика. А Сантьяго еще долго сидел у колодца и думал, что когда-то, еще на родине, восточный ветер донес до него благоухание этой женщины, что он любил ее, еще не подозревая о ее существовании, и что эта любовь стоит, пожалуй, всех сокровищ земных.

На следующий день он опять пришел к колодцу и стал поджидать девушку. Однако, к своему удивлению, обнаружил там англичанина, который впервые оглядывал пустыню.

— Я ждал весь вечер, дотемна, — сказал тот. — Когда зажглись первые звезды, появился и он. Я рассказал ему о том, что ищу. А он спросил, удавалось ли мне уже превращать свинец в золото. Я ответил, что этому-то и желаю научиться. Он велел мне попробовать снова. Так и сказал: „Иди и пробуй“.

Сантьяго притих. Для того ли англичанин столько странствовал по свету, чтобы услышать то, что знал и так? И тут вспомнил, что сам отдал своих овец Мелхиседеку, получив взамен не больше.

— Ну так пробуй! — сказал он.

— Я и собираюсь. И начну прямо сейчас. Англичанин ушел, и вскоре появилась Фатима со своим кувшином.

— Хочу тебе кое-что сказать, — заговорил Сантьяго. — Дело очень простое. Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Я тебя люблю.

От неожиданности Фатима пролила воду.

— Я буду ждать тебя здесь. Я пересек пустыню в поисках сокровищ, которые находятся где-то у пирамид. Но тут началась эта война. Сначала я проклинал ее. А теперь благословляю, потому что она привела меня к тебе.

— Но война когда-нибудь кончится, — отвечала девушка.

Сантьяго оглядел финиковые пальмы. Он был когда-то пастухом, а в этом оазисе много овец. Фатима дороже всех сокровищ. Но девушка, словно прочитав его мысли, продолжала:

— Воины ищут сокровища. А женщины пустыни гордятся ими.

Потом доверху наполнила свой кувшин и ушла.

Сантьяго каждый день приходил к колодцу. Он уже рассказал Фатиме, как пас овец, как встречал Мелхиседека, как торговал хрусталем. Постепенно они подружились. За исключением тех пятнадцати минут, что юноша проводил с нею, день для него тянулся нескончаемо долго.

Когда истек месяц. Вожатый созвал всех путешественников.

— Неизвестно, когда кончится война, — сказал он. — Продолжать путь мы не можем. А бои будут идти еще долго, затянутся на годы. В каждом из враждующих племен есть отважные и сильные воины, каждое дорожит своей честью и не уклоняется от боя. Тут воюют не хорошие с плохими, тут бьются за власть, а такие войны, однажды начавшись, долго не кончаются, ибо Аллах и за тех, и за других.

Люди разошлись. Сантьяго, увидевшись с Фатимой, передал ей слова Вожатого.

— Уже на второй день после нашей встречи, — сказала она, — ты объяснился мне в любви. А потом рассказал о стольких прекрасных вещах — таких, как Всеобщий Язык и Душа Мира, — что я постепенно становлюсь частью тебя.

Сантьяго слушал ее голос, и он казался ему прекрасней, чем шелест ветра в кронах тамариндов.

— Я уже давно поджидаю тебя у этого колодца. Я забыла о своем прошлом, о наших обычаях, о том, как, по мнению мужчин нашего племени, должно вести себя девушке. С самого раннего детства я мечтала, что пустыня преподнесет мне подарок, какого в жизни еще не бывало. И вот я получила его — это ты.

Сантьяго хотел взять ее за руку, но Фатима продолжала крепко сжимать кувшин.

— Ты говорил мне о своих снах, о старом царе Мелхиседеке, о сокровищах. О знаках. И теперь я ничего не боюсь, потому что именно они дали мне тебя. А я — часть твоей мечты, твоей Стези, как ты ее называешь.

И потому я хочу, чтобы ты не останавливался, а продолжал искать то, что ищешь. Если тебе придется ждать, когда кончится война, нестрашно. Но если придется уйти раньше, ступай на поиски Своей Стези. Ветер изменяет форму песчаных барханов, но пустыня остается прежней. И прежней останется наша любовь.

Мактуб. Если я — часть твоей Стези, когда-нибудь ты вернешься ко мне.

Сантьяго огорчил этот разговор. Юноша шел, припоминая, каких трудов стоило многим его знакомым пастухам убедить жен, что они не могут обойтись без далеких пастбищ. Любовь требует, чтобы ты был рядом с той, кого любишь.

На следующий день он рассказал об этом Фатиме.

— Пустыня уводит наших мужчин и не всегда возвращает, — отвечала она. — И мы к этому привыкли. Все это время они с нами: они облака, не дарующие дождя, животные, прячущиеся меж камней, вода, которую, как милость, исторгает земля. Мало-помалу они становятся частью всего этого и вливаются в Душу Мира.

Кое-кто возвращается. И тогда праздник у всех наших женщин, потому что мужья, которых они ждут, тоже когда-нибудь придут домой. Раньше я глядела на этих женщин с завистью. Теперь и мне будет кого ждать.

Я женщина пустыни и горжусь этим. Я хочу, чтобы и мой муж был волен, как ветер, гонящий песок. Я хочу, чтобы и он был неотделим от облаков, зверей и воды.

Сантьяго отправился на поиски англичанина. Он хотел рассказать ему о Фатиме, и удивился, увидев, что тот поставил рядом со своим шатром очаг, а на него стеклянный сосуд. Англичанин совал в печь хворост, поддерживая огонь, и поглядывал на пустыню. В глазах его появился блеск, какого не было в те дни, когда он не отрывался от книги.

— Это первая стадия работы, — объяснил он Сантьяго. — Надо отделить нечистую серу. Главное — нельзя бояться, что ничего не выйдет. Я вот боялся и до сегодняшнего дня не мог приняться за Великое Творение. Еще десять лет назад можно было сделать то, что я делаю сейчас. Счастье еще, что я ждал десять лет, а не двадцать.

И он продолжал совать в печь хворост и поглядывать на пустыню. Сантьяго сидел с ним рядом до тех пор, пока лучи закатного солнца не окрасили песок в розоватый цвет. Тут он испытал нестерпимое желание уйти туда, в пустыню: пусть-ка ее безмолвие попробует ответить на его вопросы.

Он долго брел куда глаза глядят, оборачиваясь время от времени на финиковые пальмы, чтобы не терять из виду оазис. Он слышал голос ветра, ощущал под ногой камни. Иногда видел раковину — когда-то в незапамятные времена на месте этой пустыни было море. Потом присел на камень и как зачарованный устремил взгляд на горизонт. Он не представлял себе любовь без обладания, но Фатима родилась в пустыне, и если что-то и может научить его этому, то лишь пустыня.

Так сидел он, ни о чем не думая, пока не ощутил какое-то дуновение над головой. Он вскинул глаза к небу и увидел в вышине двух ястребов.

Сантьяго долго следил за ними, за тем, какие прихотливые узоры вычерчивают они в небе. Ястребы, казалось, парят без смысла и цели, но юноша ощущал в их полете какое-то значение, только не смог бы назвать, какое. Он решил провожать глазами каждое их движение — может быть, тогда станет ему внятн их язык. Может быть, тогда пустыня объяснит ему, что такое любовь без обладания.

Внезапно его стало клонить в сон. Сердце противилось этому, будто говоря: „Ты близок к постижению Всеобщего Языка, а в этом краю все, даже полет ястребов в небе, исполнено смысла“. Сантьяго мысленно поблагодарил судьбу за то, что полон любви. „Когда любишь, все еще больше обретает смысл“, — подумал он.

В эту минуту один ястреб круто спикировал на другого, и тотчас глазам юноши предстало видение: воины с обнаженными саблями входят в оазис. Оно мелькнуло и исчезло, оставив тревогу и волнение. Он много слышал о миражах и сам несколько раз видел, как человеческие желания обретают плоть в песках пустыни. Но ему вовсе не хотелось, чтобы в оазис ворвалось войско.

Сантьяго попытался было выбросить эти мысли из головы и вернуться к созерцанию розовеющих песков и камней. Но что-то мешало ему сосредоточиться, и сердце продолжало томиться тревогой.

„Всегда следуй знакам“, — наставлял его царь Мелхиседек. Юноша подумал о Фатиме. Вспомнил о том, что видел, и почувствовал: что-то должно произойти.

С трудом вышел он из оцепенения. Поднялся и двинулся обратно, по направлению к финиковым пальмам. Еще раз мир показал ему, что говорит на многих языках: теперь уже не пустыня, а оазис сулил опасность.

Погонщик верблюдов сидел, прислонясь спиной к стволу пальмы, и тоже глядел на запад. В эту минуту из-за бархана появился Сантьяго.

— Приближается войско, — сказал он. — Мне было видение.

— Пустыня любит насыпать миражи, — отвечал тот.

Но юноша рассказал ему о ястребах, о том, как он следил за их полетом и вдруг погрузился в Душу Мира.

Погонщик не удивился — он понял, о чем говорил юноша. Он знал, что любая вещь на поверхности земли способна рассказать историю всей земли. Открой на любой странице книгу, взгляди на руки человека, стасуй колоду карт, проследи полет ястреба в небе — непременно отыщешь связь с тем, чем живешь в эту минуту. И дело тут не столько в самих вещах, сколько в том, что люди, глядя на них, открывают для себя способ проникнуть в Душу Мира.

В пустыне много людей, которые зарабатывали на жизнь благодаря своему умению легко постигать Душу Мира. Их боятся женщины и старики, а называются они Прорицатели. Воины редко обращаются к ним, потому что трудно идти в битву, зная, что тебя там убьют. Они предпочитают неизвестность и те ощущения, которые дарует человеку битва. Будущее написано рукой Всевышнего, и, что бы ни значилось на этих скрижалях, оно всегда на благо человека. Воины живут лишь настоящим, ибо оно полно неожиданностей, а потому надо обращать внимание на тысячу разных разностей: с какой стороны заносится над твоей головой сабля врага, как скачет его конь, как ты должен отразить удар, если хочешь сохранить жизнь.

Но погонщик не был воином и потому уже много раз справлялся у прорицателей: одни угадывали безошибочно, у других это не получалось. И однажды самый старый из них (его-то больше всех и боялись) спросил, для чего он хочет знать будущее.

— Чтобы знать, что надо делать, а что, если мне не по душе, изменять.

— Но тогда это уже не будет твоим будущим.

— В таком случае для того, чтобы успеть подготовиться к грядущему.

— Если произойдет что-нибудь хорошее, это будет приятной неожиданностью. А если плохое — ты почувствуешь это задолго до того, как оно случится.

— Я хочу знать, что со мной будет, потому что я человек, — сказал на это погонщик. — А люди зависят от своего будущего.

Прорицатель довольно долго молчал. Он предсказывал судьбу по прутикам — бросал их на землю и смотрел, как они лягут. В тот день он решил не гадать. Завернул их в платок и спрятал в карман.

— Я зарабатываю себе на хлеб, рассказывая людям, что их ждет, — ответил он наконец. — Я знаю, как бросить прутья, чтобы с их помощью проникнуть в то пространство, где все про всех написано. А уж оказавшись там, я читаю прошлое, открываю то, что уже было забыто, и распознаю знаки настоящего.

Будущее я не читаю, я его отгадываю, ибо оно принадлежит Богу, и он лишь в исключительных обстоятельствах приподнимает над ним завесу. Как мне это удастся? По знакам настоящего. Именно в нем, в настоящем, весь секрет. Уделишь ему должное внимание — сможешь улучшить его. А улучшишь нынешнее свое положение — сделаешь благоприятным и грядущее. Не заботься о будущем, живи настоящим, и пусть каждый твой день проходит так, как заповедано Законом. Верь, что Всевышний заботится о своих детях. Каждый день несет в себе частицу вечности.

Погонщик захотел тогда узнать, что же это за исключительные обстоятельства, при которых Господь позволяет узнавать будущее.

— Он сам тогда показывает его. Это происходит очень редко и по одной-единственной причине: если предначертанное должно быть изменено.

„Этому юноше Всевышний приоткрыл грядущее, — думал сейчас погонщик. — Он избрал его своим орудием“.

— Ступай к вождям, — велел он Сантьяго. — Расскажи им о том, что к нам приближается войско.

— Они поднимут меня на смех.

— Нет. Это люди пустыни, а значит, они привыкли не оставлять без внимания знаки и приметы.

— Тогда они и сами должны все знать.

— Они не заботятся об этом, ибо верят, что если им по воле Аллаха нужно будет что-то узнать, кто-нибудь придет и расскажет. Так уже много раз бывало раньше. А теперь этим „кем-то“ станешь ты.

Сантьяго подумал о Фатиме и решил предстать перед вождями племен, населявших оазис.

— Пропусти меня к вождям, — сказал он часовому, стоявшему у входа в огромный белый шатер. — В пустыне я видел знаки.

Воин молча вошел в шатер и оставался там довольно долго. Потом появился в сопровождении молодого араба в белом с золотом бурнусе. Сантьяго рассказал ему о своем видении. Тот попросил подождать и снова скрылся внутри.

Спустилась ночь. Входили и выходили арабы и чужеземные купцы. Вскоре погасли костры, и оазис постепенно сделался безмолвен, как пустыня. Лишь в большом шатре горел свет. Все это время Сантьяго думал о Фатиме, хотя смысл давешнего разговора с нею оставался темен для него.

Наконец после долгого ожидания его впустили в шатер.

То, что он там увидел, ошеломило его. Он и подумать не мог, что посреди пустыни может быть такое. Нога утопала в великолепных коврах, сверху свисали желтые металлические светильники с зажженными свечами. Вожди племен полукругом сидели в глубине на шелковых, богато вышитых подушках. На серебряных подносах слуги разносили сласти и чай. Другие следили за тем, чтобы не гасли наргиле, и в воздухе витал тонкий аромат табачного дыма.

Перед Сантьяго было восемь человек, но он сразу понял, что главный — это сидевший посередине араб в белом, затканном золотом бурнусе. Рядом сидел тот молодой человек, что выходил к нему из шатра.

— Кто тот чужестранец, который толкует о знаках? — спросил один из вождей.

— Это я, — отвечал Сантьяго и сообщил обо всем, что видел.

— Почему же пустыня решила рассказать обо всем чужаку, если знает, что еще наши прадеды жили здесь? — спросил другой вождь.

— Потому что мои глаза еще не привыкли к пустыне и видят то, чего уже не замечают глаза местных, — сказал Сантьяго, а про себя добавил: „И потому что мне открыта Душа Мира“. Вслух он этого не произнес — арабы не верят в такие вещи.

— Оазис — ничейная земля. Никто не осмелится вторгнуться сюда, — воскликнул третий вождь.

— Я говорю лишь о том, что видел сам. Не верите — не надо.

В шатре повисла напряженная тишина, а потом вожди с жаром заспорили между собой. Они

говорили на наречии, которого Сантьяго не понимал, но, когда он сделал движение к выходу, стражник удержал его. Юноше стало страшно. Знаки указывали на опасность, и он пожалел, что разоткровенничался с погонщиком.

Но вот старик, сидевший в центре, чуть заметно улыбнулся, и Сантьяго сразу успокоился. До сих пор он не проронил ни слова и не принимал участия в споре. Но юноша, которому был внятен Язык Мира, чувствовал, как от приближения войны сотрясается шатер, и понял, что поступил правильно, явившись сюда.

Все смолкли и внимательно выслушали старика. А тот обернулся к Сантьяго, и на этот раз на лице его юноша заметил отчужденно-холодное выражение.

— Две тысячи лет назад далеко-далеко отсюда бросили в колодец, а потом продали в рабство человека, который верил в сны, — заговорил старик. — Наши купцы привезли его в Египет. Все мы знаем, что тот, кто верит в сны, умеет и толковать их.

„Хоть и не всегда может воплощать их в явь“, — подумал Сантьяго, припомнив старую цыганку.

— Тот человек, сумев растолковать фараону его сон о семи коровах тощих и семи тучных, избавил Египет от голода. Имя его было Иосиф. Он тоже был чужеземцем, как и ты, и лет ему было примерно столько же, сколько тебе.

Он помолчал. Глаза его были по-прежнему холодны.

— Мы всегда следуем Обычаю. Обычай спас Египет от голода, сделал его народ самым богатым из всех. Обычай учит, как должно пересекать пустыню и выдавать замуж наших дочерей. Обычай гласит, что оазис — ничейная земля, ибо обе воюющие стороны нуждаются в нем и погибнут без него.

Никто не произносил ни слова.

— Но Обычай велит нам также верить посланиям пустыни. Всему, что мы знаем, научила нас пустыня.

По его знаку все арабы поднялись. Совет был окончен. Наргиле погасли, стража вытянулась. Сантьяго собрался было выйти, но старик заговорил снова:

— Завтра мы преступим закон, по которому никто не имеет права носить в оазисе оружие. Целый день мы будем поджидать врага, а когда солнце сядет, мои воины вновь сдадут мне оружие. За каждых десяти убитых врагов ты получишь по золотой монете. Но оружие, раз взятое в руки, нельзя просто так положить на место — оно должно вкусить крови врага. Оно капризно, как пустыня, и в следующий раз может отказаться разить. Если нашему оружию не найдется завтра никакого иного дела, то уж, по крайней мере, мы его обратим против тебя.

Оазис был освещен только луной. Сантьяго до его шатра было ходу минут двадцать, и он зашагал к себе.

Недавние слова вождя напугали его. Он проник в Душу Мира, и ценой за то, чтобы поверить в это, могла быть его жизнь. Не слишком ли дорого? Но он сам решился на такие ставки, когда продал своих овец, чтобы следовать Своей Стезей. А, как говорил погонщик, двум смертям не бывать... Не все ли равно: завтра это произойдет или в любой другой день? Всякий день годится, чтобы быть прожитым или стать последним. Все зависит от слова „Мактуб“.

Сантьяго шел молча. Он не раскаивался и ни о чем не жалел. Если завтра он умрет, значит Бог не хочет изменять будущее. Но он умрет, уже успев одолеть пролив, поработать в лавке, пересечь пустыню, узнать ее безмолвие и глаза Фатимы. Ни один день его с тех самых пор, как он ушел из дому, не пропал впустую. И если завтра глаза его закроются навеки, то они все же успели увидеть много больше, чем глаза других пастухов. Сантьяго гордился этим.

Внезапно он услышал грохот, и шквальным порывом неведомого ветра его швырнуло на землю. Облако пыли закрыло луну. Перед собой юноша увидел огромного белого коня — он поднялся на дыбы и оглушительно ржал.

Когда пыль немного осела, Сантьяго обуял никогда еще доселе не испытанный ужас. На белом коне сидел всадник в тюрбане — весь в черном, с соколом на левом плече. Лицо его было закрыто так, что видны были только глаза. Если бы не исполинский рост, он походил бы на одного из тех бедуинов, которые встречали караван и рассказывали путникам, что делается в пустыне.

Лунный свет заиграл на изогнутом клинке — это всадник выхватил саблю, притороченную к седлу. Громовым голосом, которому, казалось, отозвались гулким эхом все пятьдесят тысяч пальм оазиса Эль-Фаюм, он вскричал:

— Кто осмелился узреть смысл в полете ястребов?

— Я, — ответил Сантьяго.

В эту минуту всадник показался ему необыкновенно похожим на изображение Святого Иакова, Победителя Мавров, верхом на белом коне, топчущем копытами неверных. В точности такой — только здесь все было наоборот.

— Я, — повторил он и опустил голову, готовясь принять разящий удар. — Много жизней будет спасено, ибо вы не приняли в расчет Душу Мира.

Но клинок отчего-то опускался медленно, покуда острие его не коснулось лба юноши. Выступила капелька крови.

Всадник был неподвижен. Сантьяго тоже замер. Он даже и не пробовал спастись бегством. Где-то в самой глубине его существа разливалась странная радость: он умрет во имя Своей Стези. И за Фатиму. Стало быть, знаки не обманули. Вот перед ним Враг, а потому смерть не страшит его, ибо Душа Мира существует и через мгновение он станет ее частью. А завтра та же участь постигнет и Врага.

Всадник между тем все не наносил удар.

— Зачем ты это сделал?

— Я всего лишь услышал и понял то, что поведали мне ястребы. Они хотели спасти оазис. Его защитники перебьют вас — их больше.

Острие по-прежнему лишь касалось его лба.

— Кто ты такой, что вмешиваешься в предначертания Аллаха?

— Аллах сотворил не только войско, но и птиц. Аллах открыл мне их язык. Все на свете написано одной рукой, — ответил юноша, припомнив слова погонщика.

Всадник наконец отвел саблю. Сантьяго перевел дух.

— Поосторожней с предсказаниями, — сказал всадник. — Никто не избегнет того, что предначертано.

— Я видел войско. Я не знаю, чем кончится сражение.

Всаднику понравился такой ответ, но он медлил спрятать саблю в ножны.

— А что здесь делает чужеземец?

— Я ищу Свою Стезю. Но тебе не понять, что это такое.

Всадник вложил саблю в ножны. Сокол у него на плече издал пронзительный крик. Напряжение, владевшее Сантьяго, стало ослабевать.

— Я хотел испытать твою отвагу. Ничего нет важнее для тех, кто ищет Язык Мира.

Юноша удивился. Всадник рассуждал о вещах, в которых мало кто смыслил.

— Кроме того, нельзя расслабляться ни на миг, даже когда одолел долгий путь, — продолжал тот. — И нужно любить пустыню, доверять же ей полностью нельзя. Ибо пустыня — это испытание для человека: стоит отвлечься хоть на миг — и ты погиб.

Его слова напомнили Сантьяго старого Мелхиседека.

— Если к тому времени, когда придут воины, голова у тебя еще останется на плечах, разыщи меня, — сказал всадник.

В руке, которая совсем недавно сжимала рукоять сабли, теперь появилась плеть. Конь рванулся, снова взметнув тучу пыли из-под копыт.

— Где ты живешь? — крикнул Сантьяго вслед.

Всадник на скаку ткнул плетью в сторону юга.

Так юноша повстречал Алхимика.

На следующее утро под финиковыми пальмами оазиса Эль-Фаюм стояли две тысячи вооруженных людей. Солнце было еще низко, когда на горизонте показались пятьсот воинов. Всадники проникли в оазис с севера, делая вид, что пришли с миром, и пряча оружие под белыми бурнусами. Лишь когда они подошли вплотную к большому шатру вождей, в руках у них оказались ружья и кривые сабли. Но шатер был пуст.

Жители оазиса окружили всадников пустыни, и через полчаса на песке лежали четыреста девяносто девять трупов. Детей увели в пальмовую рощу, и они ничего не видели, как и женщины, которые оставались в шатрах, молясь за своих мужей. Если бы не распростертые тела погибших, оазис выглядел бы таким же, как всегда.

Уцелел только тот, кто командовал конницей, налетевшей на Эль-Фаюм. Его привели к вождям племен, и те спросили, почему он дерзнул нарушить Обычай. Он отвечал, что его воины,

измучась многодневными боями, голодом и жаждой, решили захватить оазис и потом вновь начать войну.

Вождь сказал, что как ни сочувствует он воинам, но нарушать Обычай не вправе никто. В пустыне меняется под воздействием ветра только облик песчаных барханов, все же прочее пребывает неизменным.

Военачальника приговорили к позорной смерти: не удостоив ни пули, ни удара сабли, его повесили на засохшей финиковой пальме, и ветер из пустыни долго раскачивал его труп.

Вождь позвал чужестранца и вручил ему пятьдесят золотых монет. Потом снова рассказал историю Иосифа и попросил юношу стать своим Главным Советником.

Когда зашло солнце и на небе тускло (потому что было полнолуние) засветились первые звезды, Сантьяго пошел на юг. Там стоял только один шатер, и встречные говорили ему, что место это излюблено джиннами. Однако он уселся возле шатра и стал ждать.

Алхимик появился нескоро — луна была уже высоко. С плеча у него свисали два мертвых ястреба.

— Я здесь, — сказал Сантьяго.

— И напрасно. Разве ко мне ведет твоя Стезя?

— Идет война. Мне не пересечь пустыню.

Алхимик спешился и знаком пригласил Сантьяго войти в шатер, — точно такой же, как и у всех жителей оазиса, если не считать убранного со сказочной роскошью шатра вождей. Сантьяго искал взглядом тигли и горн, стеклянные алхимические реторты, однако ничего не нашел, кроме нескольких растрепанных книг и покрывавших ковер листов с какими-то таинственными рисунками.

— Садись, я приготовлю чаю, — сказал Алхимик. — Поужинаем этими ястребами.

Юноша подумал, что это те самые птицы, которых он накануне видел в небе, но вслух не сказал ни слова. Алхимик растопил очаг, и вскоре шатер наполнился ароматом жареной дичи. Он был вкуснее дыма наргиле.

— Зачем ты хотел меня видеть?

— Все дело в знаках. Ветер рассказал мне, что ты придешь и что тебе потребуется моя мощь.

— Нет, это не я, это другой путник — англичанин. Это он искал тебя.

Прежде чем он меня найдет, ему предстоит много других встреч. Однако он на верном пути. Он смотрит уже не только в книги.

— А я?

— Если ты чего-нибудь хочешь, вся Вселенная будет способствовать тому, чтобы желание твое сбылось, — повторил Алхимик слова старого Мелхиседека, и юноша понял, что повстречал еще одного человека, который поможет ему следовать Своей Стезей.

— Ты будешь меня учить? — спросил он.

— Нет. Ты уже знаешь все, что нужно. Я лишь сделаю так, чтобы ты добрался до цели и дошел до своих сокровищ.

— Но в пустыне идет война, — повторил Сантьяго.

— Я знаю пустыню.

— Я уже нашел свое сокровище. У меня есть верблюд, деньги, которые я заработал, торгуя хрусталем, и еще полсотни золотых. Теперь на родине я стану богачом.

— Однако все это ни на шаг не приближает тебя к пирамидам, — напомнил Алхимик.

— У меня есть Фатима. Это сокровище стоит всего остального.

— От нее до пирамид тоже далеко.

Они замолчали и принялись за еду. Алхимик откупорил бутылку и налил в стакан Сантьяго какой-то красной жидкости. Это оказалось вино, равного которому юноша в жизни своей не пробовал. Однако Закон запрещает пить вино.

— Зло не в том, что входит в уста человека, а в том, что выходит из них, — сказал Алхимик.

От вина Сантьяго повеселел. Но хозяин по-прежнему внушал ему страх. Они сидели рядом у входа в шатер и глядели, как меркнут звезды при свете полной луны.

— Выпей еще — это отвлечет тебя, — сказал Алхимик, который заметил, как подействовало вино на юношу. — Наберись сил, как подобает воину перед битвой. Но не забывай, что сердце твое там, где сокровища. А их надо найти, ибо только так все, что ты понял и прочувствовал на

пути к ним, обретет смысл.

Завтра продай своего верблюда и купи коня. У верблюдов коварный нрав: они шагают и шагают без усталости. А потом вдруг опускаются на колени и умирают. Конь же выбивается из сил постепенно. И всегда можно сказать, сколько еще он может проскакать и когда падет.

Прошел день, и к вечеру Сантьяго, ведя в поводу коня, пришел к шатру Алхимика. Вскоре появился и тот, сел на коня, а сокол занял свое место у него на левом плече.

— Покажи мне жизнь пустыни, — сказал он. — Лишь тот, кто найдет здесь жизнь, сможет разыскать сокровища.

Они пустились в путь по пескам, освещенным луной. „Вряд ли мне удастся это, — думал Сантьяго. — Я совсем не знаю пустыни и не смогу найти в ней жизнь“.

Он хотел было обернуться к Алхимику и сказать ему об этом, но побоялся. Подъехали к тем камням, возле которых юноша следил за полетом ястребов.

— Боюсь, ничего у меня не выйдет, — решил все же Сантьяго. — Знаю, что в пустыне есть жизнь, но найти ее не сумею.

— Жизнь притягивает жизнь, — отвечал на это Алхимик.

Юноша понял его, отпустил поводья, и конь его сам стал выбирать себе дорогу по пескам и камню. Алхимик ехал следом. Так прошло полчаса. Уже скрылись вдали финиковые рощи, исчезло все, кроме валунов, в свете гигантской луны отблескивавших серебром. Наконец конь Сантьяго остановился — юноша никогда не бывал здесь прежде.

— Здесь есть жизнь, — сказал он Алхимику. — Мне неведом язык пустыни, зато мой конь знает язык жизни.

Они спешили. Алхимик хранил молчание. Поглядывая на камни, он медленно двигался вперед. Потом вдруг остановился, осторожно нагнулся. В земле между камней чернело отверстие. Он сунул туда палец, а потом запустил руку по плечу. Что-то зашевелилось там внутри, и Сантьяго увидел в глазах Алхимика — только глаза ему и были видны — напряженное выражение: он словно боролся с кем-то. Потом резко, так что Сантьяго вздрогнул от неожиданности, выдернул руку из этой норы и вскочил на ноги. Он держал за хвост змею.

Сантьяго, тоже вскочив, отпрянул назад. Змея билась в пальцах Алхимика, разрывая своим шипением безмятежное безмолвие пустыни. Это была кобра, чей укус убивает за считанные минуты.

„Как он не боится?“ — мелькнуло и голове юноши. Алхимик, сунувший руку в гнездо змеи, не мог уцелеть, однако лицо его оставалось спокойным. „Ему двести лет“, — вспомнил Сантьяго слова англичанина. Должно быть, он знал, как обращаться со змеями в пустыне.

Вот он подошел к своей лошади и обнажил притороченную к седлу длинную кривую саблю. Очертил на песке круг и положил в его центр мгновенно притихшую кобру.

— Не бойся, — сказал он Сантьяго. — Отсюда она не выйдет. А ты получил доказательство того, что и в пустыне есть жизнь. Это мне и было нужно.

— Разве это так важно?

— Очень важно. Пирамиды окружены пустыней.

Сантьяго не хотелось вновь затевать разговор о пирамидах — еще со вчерашнего дня у него на сердце лежал камень. Отправиться за сокровищами значило потерять Фатиму.

— Я сам буду твоим проводником, — сказал Алхимик.

— Хорошо бы мне остаться в оазисе, — ответил Сантьяго. — Я ведь уже встретил Фатиму, а она мне дороже всех сокровищ на свете.

— Фатима — дитя пустыни. Ей ли не знать, что мужчины уходят, чтобы потом вернуться. Она тоже обрела свое сокровище — тебя. А теперь надеется, что ты найдешь то, что ищешь.

— А если я решу остаться?

— Тогда ты станешь Советником Вождя. У тебя будет столько золота, что ты сможешь купить много овец и много верблюдов. Женишься на Фатиме и первый год будешь жить с нею счастливо. Ты научишься любить пустыню и будешь узнавать каждую из пятидесяти тысяч финиковых пальм. Поймешь, как они растут, доказывая, что мир постоянно меняется. С каждым днем ты все лучше будешь разбираться в знаках, ибо нет учителя лучше, чем пустыня.

Но минет год, и ты вспомнишь о сокровищах. Знаки будут настойчиво говорить тебе о них, но ты постарайся не обращать на это внимания, а свой дар понимания обратишь только на процветание оазиса и его обитателей. Вожди отблагодарят тебя за это. Ты получишь много верблю-

дов, власть и богатство.

Пройдет еще год. Знаки будут по-прежнему твердить тебе о сокровищах и о Стезе. Ночами напролет будешь ты бродить по оазису, а Фатима — предаваться печали, ибо она сбила тебя с пути. Но ты будешь давать ей и получать от нее любовь. Вспомнишь, что она ни разу не просила тебя остаться, потому что женщины пустыни умеют ждать возвращения своих мужчин. И тебе не в чем будет винить ее, но много ночей подряд будешь ты шагать по пустыне и между пальмами, думая, что если бы больше верил в свою любовь к Фатиме, то, глядишь, и решился бы уйти. Ибо удерживает тебя в оазисе страх — ты боишься, что больше не вернешься сюда. В это самое время знаки скажут тебе, что сокровищ ты лишился навсегда.

Настанет четвертый год, и знаки исчезнут, потому что ты не захочешь больше замечать их. Поняв это, вожди откажутся от твоих услуг, но ты к этому времени уже станешь богатым купцом, у тебя будет множество лавок и целые табуны верблюдов. И до конца дней своих ты будешь бродить между пальмами и пустыней, зная, что не пошел по Своей Стезе, а теперь уже поздно.

И так никогда и не поймешь, что любовь не может помешать человеку следовать Своей Стезей. Если же так случается, значит, любовь была не истинная, не та, что говорит на Всеобщем Языке, — договорил Алхимик.

Он разомкнул начерченный на песке круг, и кобра, скользя, исчезла среди камней. Сантьяго вспомнил Торговца Хрусталем, всю жизнь мечтавшего посетить Мекку, вспомнил англичанина, искавшего Алхимика. Вспомнил и женщину, верящую, что пустыня однажды даст ей человека, которого она желает любить.

Они сели на коней. На этот раз первым ехал Алхимик. Ветер доносил до них голоса жителей оазиса, и юноша пытался различить среди них голос Фатимы. Накануне он из-за битвы не видел ее у колодца.

Но сегодня ночью он глядел на кобру, не смеявшую нарушить границу круга, он слушал этого таинственного всадника с соколом на плече, который говорил ему о любви и о сокровищах, о женщинах пустыни и о Своей Стезе.

— Я пойду с тобой, — сказал Сантьяго и тотчас ощутил, что в душе его воцарился мир.

— Мы отправимся в путь завтра, еще затемно, — только и ответил на это Алхимик.

Ночью он не сомкнул глаз. За два часа до восхода солнца разбудил одного из юношей, спавших в том же шатре, и попросил показать, где живет Фатима. Они вышли вместе, и в благодарность Сантьяго дал ему денег, чтобы тот купил себе овцу.

Потом попросил его разбудить девушку и сказать, что он ее ждет. Юноша-араб выполнил и эту просьбу и получил денег еще на одну овцу.

— А теперь оставь нас одних, — сказал Сантьяго, и юноша, гордясь тем, что помог самому Советнику, и радуясь, что теперь есть на что купить овец, вернулся в свой шатер и лег спать.

Показалась Фатима. Они ушли в финиковую рощу. Сантьяго знал, что нарушает Обычай, но теперь это не имело никакого значения.

— Я уйду, — сказал он. — Но хочу, чтобы ты знала: я вернусь. Я тебя люблю, потому что...

— Не надо ничего говорить, — прервала его девушка. — Любят, потому что любят. Любовь доводов не признает.

Но Сантьяго продолжал:

— ...потому что видел сон, повстречал царя Мелхиседека, продавал хрусталь, пересек пустыню, оказался, когда началась война, в оазисе и спросил тебя у колодца, где живет Алхимик. Я люблю тебя потому, что вся Вселенная способствовала нашей встрече.

Они обнялись, и тела их впервые соприкоснулись.

— Я вернусь, — повторил Сантьяго.

— Прежде я глядела в пустыню с желанием, а теперь буду глядеть с надеждой. Мой отец тоже не раз уходил туда, но всегда возвращался к моей матери.

Больше не было сказано ни слова. Они сделали еще несколько шагов под пальмами, а потом Сантьяго довел Фатиму до ее шатра.

— Я вернусь, как возвращался твой отец.

Он заметил слезы у нее на глазах.

— Ты плачешь?

— Я женщина пустыни, — отвечала она, пряча лицо. — Но прежде всего я просто женщина.

Она скрылась за пологом шатра. Уже занимался рассвет. Когда наступит день, Фатима выйдет и займется тем же, чем занималась в течение стольких лет, но теперь все будет иначе. Сантьяго нет больше в оазисе, и оазис потеряет для нее прежнее значение. Это раньше — и совсем недавно — был он местом, где росли пятьдесят тысяч финиковых пальм, где было триста колодцев, куда с радостью спешили истомленные долгой дорогой путники. Отныне и впредь он будет для нее пуст.

С сегодняшнего дня пустыня станет важнее. Фатима будет вглядываться в нее, пытаясь угадать, на какую звезду держит направление Сантьяго в поисках своих сокровищ. Поцелуи она будет отправлять с ветром в надежде, что он коснется его лица и расскажет ему, что она жива, что она ждет его. С сегодняшнего дня пустыня будет значить для Фатимы только одно: оттуда вернется к ней Сантьяго.

— Не думай о том, что осталось позади, — сказал Алхимик, когда они тронулись в путь по пескам. — Все уже запечатлено в Душе Мира и пребудет в ней навеки.

— Люди больше мечтают о возвращении, чем об отъезде, — ответил Сантьяго, заново осваивавшийся в безмолвии пустыни.

— Если то, что ты нашел, сделано из добротного материала, никакая порча его не коснется. И ты смело можешь возвращаться. Если же это была лишь мгновенная вспышка, подобная рождению звезды, то по возвращении ты не найдешь ничего. Зато ты видел ослепительный свет. Значит, все равно овчинка стоила выделки.

Он говорил на языке алхимии, но Сантьяго понимал, что он имеет в виду Фатиму.

Трудно было не думать о том, что осталось позади. Однообразный ландшафт пустыни заставлял вспоминать и мечтать. Перед глазами у Сантьяго все еще стояли финиковые пальмы, колодцы и лицо возлюбленной. Он видел англичанина с его колбами и ретортами, погонщика верблюдов — истинного мудреца, не ведавшего о своей мудрости. „Наверно, Алхимик никогда никого не любил“, — подумал он.

А тот рысил чуть впереди, и на плече его сидел сокол — он-то отлично знал язык пустыни — и, когда останавливались, взлетал в воздух в поисках добычи. В первый день он вернулся, неся в когтях зайца. На второй — двух птиц.

Ночью они расстлали одеяла. Костров не разводили, хотя ночи в пустыне были холодные и становились все темнее, по мере того как убывала луна. Всю первую неделю они разговаривали только о том, как бы избежать встречи с воюющими племенами. Война продолжалась — ветер иногда приносил сладковатый запах крови. Где-то неподалеку шло сражение, и ветер напоминал юноше, что существует Язык Знаков, всегда готовый рассказать то, чего не могут увидеть глаза.

На восьмой день пути Алхимик решил устроить привал раньше, чем обычно. Сокол взмыл в небо. Алхимик протянул Сантьяго флягу с водой.

— Странствие твое близится к концу, — сказал он. — Поздравляю. Ты не свернул со Своей Стези.

— А ты весь путь молчал. Я-то думал, ты научишь меня всему, что знаешь. Мне уже случилось пересекать пустыню с человеком, у которого были книги по алхимии. Но я в них ничего не понял.

— Есть только один путь постижения, — отвечал Алхимик. — Действовать. Путешествие научило тебя всему, что нужно. Осталось узнать только одно.

Сантьяго спросил, что же ему осталось узнать, но Алхимик не сводил глаз с небосвода — он высматривал там своего сокола.

— А почему тебя зовут Алхимиком?

— Потому что я и есть Алхимик.

— А в чем ошибались другие алхимики — те, что искали и не нашли золото?

— Ошибка их в том, что они искали только золото. Они искали сокровища, спрятанные на Стезе, а саму Стезю обходили.

— Так чего же мне не хватает? — повторил свой вопрос юноша.

Алхимик по-прежнему глядел на небо. Вскоре вернулся с добычей сокол. Они вырыли в песке ямку, развели в ней костер, чтобы со стороны нельзя было заметить огонь.

— Я Алхимик, потому что я алхимик, — сказал он. — Тайны этой науки достались мне от деда, а ему — от его деда, и так далее до сотворения мира. А в те времена вся она умещалась на грани изумруда. Люди, однако, не придают значения простым вещам, а потому стали писать фи-

лософские трактаты. Стали говорить, что они-то знают, в какую сторону надлежит идти, а все прочие — нет. Но Изумрудная Скрижаль существует и сегодня.

— А что же написано на ней? — поинтересовался юноша.

Алхимик минут пять что-то чертил на песке, а Сантьяго тем временем вспоминал, как повстречал на площади старого царя, и ему показалось, что с той поры прошли многие-многие годы.

— Вот что написано на ней, — сказал Алхимик, окончив рисунок.

Сантьяго приблизился и прочел.

— Так ведь это же шифр! — разочарованно воскликнул он. — Это вроде книг англичанина!

— Нет. Это то же, что полет ястребов в небе: разумом его не постичь. Изумрудная Скрижаль — это послание Души Мира. Мудрецы давно уже поняли, что наш мир сотворен по образу и подобию рая. Само существование этого мира — гарантия того, что существует иной, более совершенный. Всевышний сотворил его для того, чтобы люди сквозь видимое прозревали духовное и сами дивились чудесам своей мудрости. Это я и называю Действием.

— И я должен прочесть Изумрудную Скрижаль?

— Если бы ты был сейчас в лаборатории алхимика, то мог бы изучить наилучший способ постичь ее. Но ты в пустыне — значит, погрузись в пустыню. Она, как и все, что существует на Земле, поможет тебе понять мир. Нет надобности понимать всю пустыню — одной песчинки достаточно для того чтобы увидеть все чудеса Творения.

— А как же мне погрузиться в пустыню?

— Слушай свое сердце. Ему внятно все на свете, ибо оно сродни Душе Мира и когда-нибудь вернется в нее.

В молчании они ехали еще двое суток. Алхимик был настороже: они приближались к тому месту где шли самые ожесточенные бои. А юноша все пытался услышать голос сердца.

Сердце же его было своенравно: раньше оно все время рвалось куда-то, а теперь во что бы то ни стало стремилось вернуться. Иногда сердце часами рассказывало ему проникнутые светлой печалью истории, а иногда так ликовало при виде восходящего солнца, что Сантьяго плакал втихомолку. Сердце учащенно билось, когда говорило о соколовицах, и замирало, когда глаза юноши оглядывали бескрайнюю пустыню.

— А зачем мы должны слушать сердце? — спросил он, когда они остановились на привал.

— Где сердце, там и соколовица.

— Сердце у меня заполошное, — сказал Сантьяго. — Мечтает, волнуется, тянется к женщине из пустыни. Все время о чем-то просит, не дает уснуть всю ночь напролет, стоит лишь вспомнить о Фатиме.

— Вот и хорошо. Значит, оно живо. Продолжай вслушиваться.

В следующие три дня они повстречали воинов, а других видели на горизонте. Сердце Сантьяго заговорило о страхе. Стало рассказывать ему о людях, отправившихся искать соколовица, но так их и не нашедших. Порою оно пугало юношу мыслью о том, что и ему не суждено отыскать их, а может быть, он умрет в пустыне. Иногда твердило, что от добра добра не ищут: у него и так уже есть возлюбленная и много золотых монет.

— Сердце предает меня, — сказал он Алхимику, когда они остановились дать коням передохнуть. — Не хочет, чтобы я шел дальше.

— Это хорошо, — повторил тот. — Это значит, оно не омертвело. Вполне естественно, что ему страшно отдать в обмен на мечту все, что уже достигнуто.

— Так зачем же слушаться его?

— Ты все равно не заставишь его замолчать. Даже если сделаешь вид, что не прислушиваешься к нему, оно останется у тебя в груди и будет повторять то, что думает о жизни и о мире.

— И будет предавать меня?

— Предательство — это удар, которого не ждешь. Если будешь знать свое сердце, ему тебя предать не удастся. Ибо ты знаешь все его мечтания, все желания и сумеешь справиться с ними. А убежать от своего сердца никому еще не удавалось. Так что лучше уж слушаться его. И тогда не будет неожиданного удара.

Они продолжали путь по пустыне, и Сантьяго слушал голос сердца. Вскоре он уже наизусть знал все его причуды, все уловки и принимал его таким, каково было оно. Юноша перестал испытывать страх и больше не хотел вернуться — было уже поздно, да и сердце говорило, что всем довольно. „А если я иногда жалею, что ж, я ведь человеческое сердце, мне это свойственно. Все

мы боимся осуществить наши самые заветные мечты, ибо нам кажется, что мы их недостойны или что все равно не сумеем воплотить их. Мы, сердца человеческие, замираем от страха при мысли о влюбленных, расстающихся навсегда, о минутах, которые могли бы стать, да не стали счастливыми, о сокровищах, которые могли бы быть найдены, но так навсегда и остались похоронены в песках. Потому что, когда это происходит, мы страдаем".

— Мое сердце боится страдания, — сказал он Алхимику как-то ночью, глядя на темное, безлунное небо.

— А ты скажи ему, что страх страдания хуже самого страдания. И ни одно сердце не страдает, когда отправляется на поиски своих мечтаний, ибо каждое мгновение этих поисков — это встреча с Богом и с Вечностью.

„Каждое мгновение — это встреча, — сказал Сантьяго своему сердцу. — Покуда я искал свое сокровище, все дни были озарены волшебным светом, ибо я знал, что с каждым часом все ближе к осуществлению моей мечты. Покуда я искал свое сокровище, я встречал по пути такое, о чем и не мечтал бы никогда, если бы не отважился попробовать невозможное для пастухов".

И тогда сердце его успокоилось на целый вечер. И ночью Сантьяго спал спокойно, а когда проснулся, сердце принялось рассказывать ему о Душе Мира. Сказало, что счастливый человек — это тот, кто носит в себе Бога. И что счастье можно найти в обыкновенной песчинке, о которой говорил Алхимик. Ибо для того чтобы сотворить эту песчинку, Вселенной потребовались миллиарды лет. „Каждого живущего на земле ждет его сокровище, — говорило сердце, — но мы, сердца, привыкли помалкивать, потому что люди не хотят обретать их. Только детям мы говорим об этом, а потом смотрим, как жизнь направляет каждого навстречу его судьбе, но, к несчастью, лишь немногие следуют по предназначенной им Стезе. Прочим мир внушает опасения и потому в самом деле становится опасен.

— И тогда мы, сердца, говорим все тише и тише. Мы не замолкаем никогда, но стараемся, чтобы наши слова не были услышаны: не хотим, чтобы люди страдали оттого, что не вняли голосу сердца.

— Почему же сердце не подсказывает человеку, что он должен идти к исполнению своей мечты? — спросил Сантьяго.

— Потому что тогда ему пришлось бы страдать, а сердце страдать не любит.

С того дня юноша стал понимать свое сердце. И попросил, чтобы отныне, как только он делает шаг прочь от своей мечты, сердце начинало сжиматься и болеть, подавая сигнал тревоги. И поклялся, услышав этот сигнал, возвращаться на Свою Стезу.

В ту ночь он все рассказал Алхимику. И тот понял, что сердце Сантьяго обратилось к Душе Мира.

— А теперь что мне делать?

— Продолжать путь к пирамидам. И не упускать из виду знаки. Сердце твое уже способно указать тебе, где сокровища.

— Так мне этого не хватало прежде?

— Нет. Не хватало тебе вот чего, — ответил Алхимик и стал рассказывать: — Перед тем как мечте осуществиться. Душа Мира решает проверить, все ли ее уроки усвоены. И делает она это для того, чтобы мы смогли получить вместе с нашей мечтой и все преподанные нам в пути знания. Вот тут-то большинству людей изменяет мужество. На языке пустыни это называется „умереть от жажды, когда оазис уже на горизонте". Поиски всегда начинаются с Благоприятного Начала. А кончаются этим вот испытанием.

Сантьяго вспомнил старинную поговорку, ходившую у него на родине: „Самый темный час — перед рассветом".

На следующий день впервые возникли признаки настоящей опасности. К путникам приблизились три воина и спросили, что они здесь делают.

— Охочусь с соколом, — ответил Алхимик.

— Мы обязаны удостовериться, что у вас нет оружия, — сказал один из трех.

Алхимик не торопясь слез с коня. Сантьяго последовал его примеру.

— Зачем тебе столько денег? — спросил воин, указывая на сумку юноши.

— Мне надо добраться до Египта.

Араб, обыскивавший Алхимика, нашел у него маленькую хрустальную склянку с какой-то жидкостью и желтоватое стеклянное яйцо, размером чуть больше куриного.

— Что это такое? — спросил он.

— Философский Камень и Эликсир Бессмертия — Великое Творение алхимиков. Тот, кто выпьет Эликсир, не будет знать болезней. Крошечный осколок этого Камня превращает любой металл в золото.

Всадники разразились неудержимым хохотом, и Алхимик вторил им. Они сочли его ответ очень забавным и, не чиня никаких препятствий, разрешили путникам ехать дальше.

— Ты с ума сошел? — спросил Сантьяго, когда воины были уже достаточно далеко. — Зачем ты это сделал?

— Зачем? Чтобы показать тебе простой закон, действующий в мире, — отвечал Алхимик. — Мы никогда не понимаем, какие сокровища перед нами. Знаешь почему? Потому что люди вообще не верят в сокровища.

Они продолжали путь. С каждым днем сердце Сантьяго становилось все молчаливей: ему уже не было дела ни до прошлого, ни до будущего; оно довольствовалось тем, что разглядывало пустыню да вместе с юношей пило из источника Души Мира. Они с ним стали настоящими друзьями, и теперь ни один не смог бы предать другого.

Когда же сердце говорило, то для того лишь, чтобы вдохнуть уверенность и новые силы в Сантьяго, на которого иногда угнетающе действовало безмолвие. Сердце впервые рассказало ему о его замечательных качествах: об отваге, с которой он решил бросить своих овец, и о рвении, с которым трудился в лавке.

Рассказало оно еще и о том, чего Сантьяго никогда не замечал: об опасностях, столько раз подстерегавших его. Сердце рассказало, как куда-то девался пистолет, который он утащил у отца, — он вполне мог поранить или даже застрелить себя. Напомнило, как однажды в чистом поле ему стало дурно, началась рвота, а потом он упал и заснул. В это самое время двое бродяг подкарауливали его, чтобы убить, а овец угнать. Но поскольку он так и не появился, они решили, что он повел стадо другой дорогой, и ушли.

— Сердце всегда помогает человеку? — спросил он.

— Не всякому. Только тем, кто идет Своей Стезей. И еще детям, пьяным и старикам.

— Это значит, что они вне опасности?

— Это значит всего лишь, что их сердца напрягают все свои силы.

Однажды они проезжали мимо того места, где стали лагерем воины одного из враждующих племен. Повсюду виднелись вооруженные люди в нарядных белых бурнуссах. Они курили наргиле и беседовали о битвах. На Сантьяго и Алхимика никто не обратил ни малейшего внимания.

— Мы вне опасности, — сказал юноша, когда они миновали бивак.

Алхимик вдруг рассвирепел.

— Доверяй голосу сердца, — вскричал он, — но не забывай, что ты в пустыне! Когда идет война, Душа Мира тоже внемлет ей. Никто и ничто не остается в стороне от того, что происходит под солнцем.

„Все — одно целое“, — подумал Сантьяго.

И тотчас, словно бы в доказательство правоты старого Алхимика, в пустыне появились два всадника, пустившихся вдогонку за путешественниками.

— Дальше вам ехать нельзя, — сказал один из воинов, поравнявшись с ними. — Тут идут военные действия.

— Нам — недалеко, — отвечал Алхимик, пристально глядя ему в глаза.

Воины на мгновение замерли, а потом пропустили путников. Сантьяго был поражен.

— Ты усмирил их взглядом!

— Взгляд показывает силу души, — отвечал Алхимик.

„Это так“, — подумал юноша, вспомнив, что, когда они проезжали мимо бивака, кто-то из воинов долго смотрел на них. Он находился так далеко, что даже лица его нельзя было разглядеть, и все-таки Сантьяго чувствовал на себе его взгляд.

И вот, когда они начали подъем в гору, закрывавшую весь горизонт. Алхимик сказал, что до пирамид осталось два дня пути.

— Но если нам скоро предстоит расстаться, научи меня алхимии.

— Тебе уже нечему учиться. Ты знаешь, что наука эта в том, чтобы проникнуть в Душу Мира и найти там сокровища, предназначенные тебе.

— Я говорю о другом. Я хочу знать, как превращать свинец в золото.

Алхимик не стал нарушать безмолвия пустыни и ответил, лишь когда они остановились на привал.

— Все во Вселенной развивается, перетекает из одного в другое. Мудрецы открыли, что из всех металлов больше всего подвержено этому золото. Не спрашивай почему, — я не знаю. А знаю только, что так повелось в мире. Но люди неправильно истолковали слова мудрецов. И золото, вместо того чтобы быть символом развития, сделалось знаком войны.

— Мир говорит на многих языках, порою крик верблюда — это всего лишь крик. А порою — это сигнал тревоги. Я сам наблюдал это, — сказал Сантьяго, но тут же замолчал, сообразив, что Алхимику и без него все это известно.

— Я знавал настоящих алхимиков, — продолжал тот. — Одни затворялись в своих лабораториях и пытались развиваться наподобие золота — так был открыт Философский Камень. Ибо они поняли, что если развивается что-то одно, то изменяется и все, что находится вокруг.

Другие нашли Камень случайно. Они были наделены даром, и души их были более чутки, чем у прочих людей. Но такие случаи не в счет, они слишком редки.

А третьи искали только золото. Им так и не удалось открыть тайну. Они забыли, что у свинца, меди, железа тоже есть Своя Стезя. А тот, кто вмешивается в чужую Стезю, никогда не пройдёт свою собственную.

Эти слова Алхимика прозвучали как проклятие. Потом он наклонился и поднял с земли раковину.

— Когда-то здесь было море, — сказал он.

— Да, я догадался, — ответил юноша. Алхимик попросил его приложить раковину к уху. Сантьяго в детстве часто делал так и сейчас вновь услышал шум моря.

— Море по-прежнему в этой раковине, ибо оно следует Своей Стезью. И оно не покинет ее, пока в пустыне вновь не заплещутся волны.

Они сели на коней и двинулись в сторону египетских пирамид.

Солнце начало склоняться к западу, когда сердце Сантьяго подало ему сигнал тревоги. Они находились в ту минуту за огромными песчаными барханами. Сантьяго взглянул на Алхимика, но тот вроде бы ничего не замечал. Через пять минут юноша увидел впереди четко обрисовавшиеся силуэты двух всадников. Прежде чем он успел сказать хоть слово, вместо двоих появилось десять, вместо десяти — сто, и наконец все барханы покрылись неисчислимым воинством.

Всадники были в голубых одеждах. Черные тиары венчали их тюрбаны, а лица до самых глаз были закрыты голубой тканью.

Даже издали было заметно, что глаза эти, показывая силу души, возвещали путникам смерть.

Сантьяго и Алхимика привели в лагерь, втолкнули в шатер, подобного которому юноша еще ни разу не видел, и поставили перед вождем. Вокруг стояли его военачальники.

— Это лазутчики, — доложил один из тех, кто сопровождал пленников.

— Нет. Мы всего лишь путники.

— Три дня назад вас видели в лагере наших врагов. Вы говорили с кем-то из воинов.

— Я знаю пути пустыни и умею читать по звездам, — отвечал на это Алхимик. — А о том, сколь многочисленны ваши враги и куда они движутся, мне ничего не ведомо. Я проводил до вашего лагеря своего друга.

— А кто это такой? — спросил вождь.

— Алхимик, — ответил Алхимик. — Он знает все силы природы и желает показать тебе свои необыкновенные дарования.

Сантьяго слушал молча и в страхе.

— Что делает чужеземец в наших краях? — спросил другой военачальник.

— Он привез вашему племени деньги, — ответил Алхимик и, прежде чем юноша успел сказать хоть слово, протянул его кошелек вождю.

Тот принял золото молча — на него можно было купить много оружия.

— А кто такой „алхимик“? — спросил кто-то из военачальников.

— Это человек, который знает природу и мир. Стоит ему захотеть — и он уничтожит ваш лагерь одной лишь силой ветра.

Арабы рассмеялись. Они привыкли к силе войны и не верили, что ветер может быть смертельным. Однако сердца их сжались испугом. Все они были люди пустыни и боялись колдунов.

— Я хочу посмотреть, как это ему удастся, — сказал самый главный.

— Дайте нам три дня. И мой спутник, чтобы показать вам свою силу, обернется ветром. Если это ему не удастся, мы смиренно отдадим вам наши жизни.

— Нельзя отдать то, что и так уже принадлежит мне, — надменно ответил военачальник.

Но согласился подождать три дня.

Сантьяго оцепенел и онемел от ужаса. Алхимику пришлось за руку вывести его из шатра.

— Не показывай им, что боишься. Это отважные люди, и они презирают трусов.

Однако дар речи вернулся к Сантьяго не сразу. Они шли по лагерю свободно — арабы только забрали у них коней. И снова мир показал, сколь он многоязык: пустыня, которая раньше была бескрайней и свободной, превратилась теперь в тюрьму, откуда не сбежишь.

— Ты отдал им все мои деньги! — сказал он. — Все, что я заработал за жизнь!

— Зачем они тебе, если придется умереть? Твои деньги уже подарили тебе три лишних дня. Обычно деньги и на мгновение не могут отсрочить смерть.

Но Сантьяго был слишком испуган, чтобы слушать мудрые речи. Он не знал, как обернуться ветром, — он не был алхимиком.

А Алхимик попросил воина принести чаю и вылил несколько капель на запястья юноши, произнеся какие-то непонятные слова. И тот сразу почувствовал, как ушла из его тела тревога.

— Не предавайся отчаянию, — необычно ласковым голосом сказал Алхимик. — Просто ты пока еще не успел поговорить со своим сердцем.

— Но ведь я не умею превращаться в ветер!

— Тот, кто идет Своей Стезей, знает и умеет все. Только одно делает исполнение мечты невозможным — это страх неудачи.

— Да я не боюсь неудачи. Просто я не знаю, как мне обернуться ветром.

— Придется научиться. От этого зависит твоя жизнь.

— А если не сумею?

— Тогда ты умрешь. Но умереть, следуя Своей Стезей, гораздо лучше, чем принять смерть, как тысячи людей, которые даже не подозревают о существовании Стези. Впрочем, не беспокойся. Обычно смерть обостряет жизненные силы и чутье.

Миновал первый день. В пустыне произошла крупная битва, в лагерь привезли раненых. „Со смертью ничего не меняется“, — думал Сантьяго. На место выбывших из строя становились другие, и жизнь продолжалась.

— Ты мог бы умереть попозже, друг мой, — сказал один из воинов, обращаясь к своему убитому товарищу. — Не теперь, а после войны. Но так или иначе, от смерти не уйдешь.

Под вечер юноша отправился искать Алхимика.

— Я не умею превращаться в ветер, — сказал он ему.

— Вспомни, что я говорил тебе: мир — это всего лишь видимая часть Бога. Алхимия же переводит духовное совершенство в материю.

— А что ты делаешь? — спросил Сантьяго.

— Кормлю своего сокола.

— Зачем? Если я не сумею обернуться ветром, нас убьют.

— Не нас, а тебя, — отвечал Алхимик. — Я-то умею превращаться в ветер.

На второй день юноша поднялся на вершину скалы, стоявшей возле лагеря. Часовые пропустили его беспрепятственно: они уже слышали, что объявился колдун, умеющий превращаться в ветер, и старались держаться от него подальше. А кроме того, пустыня лучше всякой темницы.

И весь день до вечера Сантьяго вглядывался в пустыню. Вслушивался в свое сердце. А пустыня внимала его страху.

Они говорили на одном языке.

Когда настал третий день, вождь собрал своих военачальников.

— Мы увидим, как этот юноша обернется ветром, — сказал он.

— Увидим, — ответил Алхимик.

Сантьяго повел их к тому самому месту, где провел вчера целый день. Потом попросил сесть.

— Придется подождать, — сказал он.

— Нам не к спеху, — отвечал вождь. — Мы люди пустыни.

Сантьяго смотрел на горизонт. Впереди были горы, песчаные барханы, скалы; стелились по пескам растения, умудрившиеся выжить там, где это было немыслимо. Перед ним лежала пусты-

ня, он шел по ней в течение стольких месяцев и все равно узнал лишь ничтожную ее часть. И встретил на пути англичанина, караваны, войну между племенами, оазис, где росло пятьдесят тысяч пальм и было вырыто триста колодцев.

— Ну, — спрашивала его пустыня, — чего тебе опять надо? Разве мы вдосталь не нагляделись друг на друга вчера?

— Где-то там, среди твоих песков, живет та, кого я люблю, — отвечал Сантьяго. — И когда я гляжу на тебя, я вижу и ее. Я хочу вернуться к ней, а для этого мне необходима твоя помощь. Я должен обернуться ветром.

— А что такое „любовь“? — спросила пустыня.

— Любовь — это когда над твоими песками летит сокол. Для него ты как зеленый луг. Он никогда не вернется без добычи. Он знает твои скалы, твои барханы, твои горы. А ты щедра к нему.

— Клюв сокола терзает меня, — отвечала пустыня. — Годами я возвращаю то, что послужит ему добычей, пою своей скудной водой, показываю, где можно утолить голод. А потом с небес спускается сокол — и как раз в те минуты, когда я собираюсь порадоваться тому, что в моих песках не пресекается жизнь. И уносит созданное мною.

— Но ты для него и создавала это. Для того, чтобы кормить сокола. А сокол кормит человека. А человек когда-нибудь накормит твои пески, и там снова возникнет жизнь и появится добыча для сокола. Так устроен мир.

— Это и есть любовь?

— Это и есть любовь. Это то, что превращает добычу в сокола, сокола — в человека, а человека — в пустыню. Это то, что превращает свинец в золото, а золото вновь прячет под землей.

— Я не понимаю смысла твоих слов, — отвечала пустыня.

— Пойми тогда одно: где-то среди твоих песков меня ждет женщина. И потому я должен обернуться ветром.

Пустыня некоторое время молчала.

— Я дам тебе пески, чтобы ветер мог взвихрить их. Но этого мало. В одиночку я ничего не могу. Попроси помощи у ветра.

Поднялся слабый ветерок. Военачальники издали следили за тем, как юноша говорит с кем-то на неведомом им языке.

Алхимик улыбался.

Ветер приблизился к Сантьяго, коснулся его лица. Он слышал его разговор с пустыней, потому что ветры вообще знают все. Они носятся по всему миру, и нет у них ни места, где родились они, ни места, где умрут.

— Помоги мне, — сказал ему юноша. — Однажды я расслышал в тебе голос моей любимой.

— Кто научил тебя говорить на языках пустыни и ветра?

— Сердце, — ответил Сантьяго.

Много имен было у ветра. Здесь его называли „сирокко“, и арабы думали, что прилетает он из тех краев, где много воды и живут чернокожие люди. На родине Сантьяго его называли „левантинцем“, потому что думали, будто он приносит песок пустынь и воинственные крики мавров. Быть может, в дальних странах, где нет пастбищ для овец, люди считают, что рождается этот ветер в Андалусии. Но ветер нигде не рождается и нигде не умирает, а потому он могущественней пустыни. Сделать так, чтобы там что-то росло, люди способны; могут они даже разводить там овец, но подчинить себе ветер им не под силу.

— Ты не можешь стать ветром, — сказал ветер. — У нас с тобой разная суть.

— Неправда, — отвечал Сантьяго. — Покуда я вместе с тобой бродил по свету, мне открылись тайны алхимии. Во мне теперь заключены и ветры, и пустыни, и океаны, и звезды, и все, что сотворила Вселенная. Нас с тобой сделала одна и та же рука, и душа у нас одна. Я хочу быть таким, как ты, хочу уметь проникать в любую щель, пролетать над морями, сдувать горы песка, закрывающие мои сокровища, доносить голос моей возлюбленной.

— Я как-то подслушал твой разговор с Алхимиком, — сказал ветер. — Он говорил, что у каждого Своя Стезя. Человеку не дано превратиться в ветер.

— Научи, как стать тобой хоть на несколько мгновений. Вот тогда и обсудим безграничные возможности человека и ветра.

Ветер был любопытен — такого он еще не знал. Ему хотелось бы потолковать об этом по-

подробнее, но он и в самом деле понятия не имел, как превратить человека в ветер. А ведь он мог многое! Умел создавать пустыни, пускать на дно корабли, валить вековые деревья и целые леса, пролетать над городами, где гремела музыка и раздавались непонятные звуки. Он-то считал, что все на свете превзошел, и вот находится малый, который заявляет, что он, ветер, способен еще и не на такое.

— Это называется „любовь“, — сказал Сантьяго, видя, что ветер уже готов исполнить его просьбу. — Когда любишь, то способен стать кем угодно. Когда любишь, совершенно не нужно понимать, что происходит, ибо все происходит внутри нас, так что человек вполне способен обернуться ветром. Конечно, если ветер ему окажет содействие.

Ветер был горд, а потому слова Сантьяго раздосадовали его. Он стал дуть сильнее, вздымая пески пустыни. Но в конце концов пришлось признать, что хоть он и прошел весь свет, однако превращать человека в ветер не умеет. Да и любви не знает.

— Мне не раз приходилось видеть, как люди говорят о любви и при этом глядят на небо, — сказал ветер, взбешенный тем, что пришлось признать свое бессилие. — Может, и тебе стоит обратиться к небесам, а?

— Это мысль, — согласился Сантьяго. — Только ты мне помоги: подними-ка пыль, чтобы я мог взглянуть на солнце и не ослепнуть.

Ветер задул еще сильнее, все небо заволочило песчаной пылью, и солнце превратилось в золотистый диск.

Те, кто наблюдал за этим из лагеря, почти ничего не различали. Люди пустыни уже знали повадки этого ветра и называли его „самум“. Он был для них страшнее, чем шторм на море, — впрочем, они отродясь в море не бывали. Заржали лошади, заскрипел песок на оружии.

Один из военачальников повернулся к вождю:

— Не довольно ли?

Они уже не видели Сантьяго. Лица были закрыты белыми платками до самых глаз, и в глазах этих застыл испуг.

— Пора прекратить это, — сказал другой военачальник.

— Пусть Аллах явит все свое могущество, — ответил вождь. — Я хочу увидеть, как человек обернется ветром.

Однако имена тех, кто выказал страх, он запомнил. И решил, когда ветер уляжется, снять обоих с должности, ибо людям пустыни страх неведом.

— Ветер сказал мне, что ты знаешь любовь, — обратился Сантьяго к солнцу. — А если так, то должно знать и Душу Мира — она ведь сотворена из любви.

— Отсюда мне видна Душа Мира, — отвечало солнце. — Она обращается к моей душе, и мы вместе заставляем травы расти, а овец переходить с места на место в поисках тени. Отсюда — а это очень далеко от вашего мира — я научилось любить. Я знаю, что если хоть немного приближусь к Земле, все живое на ней погибнет, и Душа Мира перестанет существовать. И мы издали глядим друг на друга и издали любим друг друга. Я даю Земле жизнь и тепло, а она мне — смысл моего существования.

— Ты знаешь любовь, — повторил Сантьяго.

— И знаю Душу Мира, потому что в этом нескончаемом странствии во Вселенной мы с ней много разговариваем. Она рассказала мне, в чем главная ее трудность: до сих пор лишь камни и растения понимают, что все на свете едино. И потому не требуется, чтобы железо было подобно меди, а медь ничем не отличалась от золота. У каждого свое точное предназначение в этом едином мире, и все слилось бы в единую симфонию Мира, если бы Рука, которая написала все это, остановилась в пятый день Творения. Однако был и шестой.

— Ты мудро, — ответил юноша, — ибо все видишь издали. Но ты не знаешь, что такое любовь. Не было бы шестого дня Творенья — не появился бы человек. И медь так и оставалась бы медью, а свинец — свинцом. Да, у каждого Своя Стезя, но когда-нибудь она будет пройдена. А потому надо превратиться во что-то иное, начать новую Стезю. И так до тех пор, пока Душа Мира в самом деле не станет чем-то единым.

Солнце призадумалось и стало сиять ярче. Ветер, получавший удовольствие от этого разговора, тоже задул сильнее, спасая Сантьяго от ослепительных лучей.

— Для того и существует алхимия, — продолжал Сантьяго. — Для того чтобы каждый искал и находил свое сокровище и хотел после этого быть лучше, чем прежде. Свинец будет исполнять

свое назначение до тех пор, пока он нужен миру, а потом он должен будет превратиться в золото. Так говорят алхимики. И они доказывают, что, когда мы стараемся стать лучше, чем были, все вокруг нас тоже становится лучше.

— А с чего ты взял, будто я не знаю, что такое любовь? — спросило солнце.

— Да ведь когда любишь, нельзя ни стоять на месте, как пустыня, ни мчаться по всему свету, как ветер, ни смотреть на все издали, как ты. Любовь — это сила, которая преображает и улучшает Душу Мира. Когда я проник в нее впервые, она мне показалась совершенной. Но потом я увидел, что она — отражение всех нас, что и в ней кипят свои страсти, идут свои войны. Это мы питаем ее, и земля, на которой мы живем, станет лучше или хуже в зависимости от того, лучше или хуже станем мы. Вот тут и вмешивается сила любви, ибо, когда любишь, стремишься стать лучше.

— Ну, а от меня чего ты хочешь?

— Помоги мне обернуться ветром.

— Природа знает, что мудрее меня ничего нет на свете, — ответило солнце, — но и я не знаю, как тебе обернуться ветром.

— К кому же тогда мне обратиться?

Солнце на миг задумалось: ветер, прислушивавшийся к разговору, тотчас разнесет по всему свету, что мудрость светила не безгранична. А кроме того, неразумно было бы бежать от этого юноши, говорившего на Всеобщем Языке.

— Спроси об этом Руку, Написавшую Все, — сказала оно.

Ветер ликующе вскрикнул и задул с небывалой силой. Несколько шатров было сорвано, привязанные лошади оборвали поводья, люди на скале вцепились друг в друга, чтобы не слететь.

Сантьяго повернулся к Руке, Написавшей Все, и сейчас же ощутил, как Вселенная погрузилась в безмолвие. Он не осмелился нарушить его.

Потом сила Любви хлынула из его сердца, и он начал молиться. Он ни о чем не просил в своей молитве и вообще не произносил ни слова, не благодарил за то, что овцы нашли пастбище, не просил ни посылать в лавку побольше покупателей хрусталя, ни чтобы женщина, которую он повстречал в пустыне, дождалась его. В наступившей тишине он понял, что пустыня, ветер и солнце тоже отыскивают знаки, выведенные этой Рукой, тоже стараются пройти Своей Стезей и постичь написанное на одной из граней изумруда. Он понял, что знаки эти рассеяны по всей Земле и в космосе и внешне в них нет никакого значения и причины. Ни пустыни, ни ветры, ни солнца, ни люди не знают, почему они были созданы. Только у Руки, Создавшей Все, были для этого причины, и только она способна творить чудеса: превращать океаны в пустыни, а человека — в ветер. Ибо она одна понимала, что некий замысел влечет Вселенную туда, где шесть дней Творения превращаются в Великое Творение.

И юноша погрузился в Душу Мира, и увидел, что она — лишь часть Души Бога, а Душа Бога — его собственная душа. И он может творить чудеса.

Самум дул в тот день как никогда. И из поколения в поколение будет передаваться легенда о юноше, который превратился в ветер и едва не уничтожил весь лагерь, бросив вызов самому могущественному военачальнику пустыни.

Когда же ветер стих, все поглядели туда, где стоял юноша, но его там уже не было. Он находился на другом конце лагеря, рядом с часовым, полусасыпанным песком.

Колдовская сила напугала всех. Лишь двое улыбались: Алхимик, гордившийся своим учеником, и вождь племени — он понимал, что ученик этот осознал могущество Всевышнего.

На следующий день он отпустил Сантьяго и Алхимика на все четыре стороны и дал им в провожатые одного из своих воинов.

Они ехали весь день, а когда стало смеркаться, Алхимик отправил воина обратно и слез с коня.

— Дальше поедешь один, — сказал он Сантьяго. — До пирамид три часа пути.

— Спасибо тебе, — отвечал юноша. — Ты научил меня Всеобщему Языку.

— Я просто напомнил тебе то, что ты знал и без меня.

Алхимик постучал в ворота монастыря. К нему вышел монах в черном, они о чем-то коротко переговорили по-коптски, и Алхимик пригласил Сантьяго войти.

— Я сказал, что ты мне поможешь.

На монастырской кухне Алхимик развел огонь в очаге, монах принес ему кусок свинца, и Алхимик, опустив его в железный сосуд, поставил на плиту. Когда свинец расплавился, он достал

из кармана стеклянное желтое яйцо, отколупнул от него крохотный, не больше булавочной головки, осколок, обмазал его воском и бросил в расплавленный свинец.

Жидкость стала красной как кровь. Алхимик снял котел с огня и дал ей остыть, беседуя тем временем с монахом о войне в пустыне.

— Боюсь, что это надолго, — сказал он.

Монах досадовал: из-за войны караваны уже давно стояли в Гизехе. „Но на все воля Божья“, — добавил он смиренно.

— Верно, — сказал Алхимик.

Когда котел наконец остыл, Сантьяго и монах в восторге переглянулись: свинец, принявший круглую форму сосуда, в котором лежал, превратился в золото.

— Неужели и я когда-нибудь научусь этому? — спросил юноша.

— Это была моя Стезя, — моя, а не твоя. Я просто хотел тебе показать, что это возможно.

Они снова вернулись к воротам обители, и там Алхимик разделил золотой диск на четыре части.

— Это тебе, — сказал он, протягивая одну монаху. — За то, что всегда радушно встречал паломников.

— За свое радушие я получаю слишком много, — возразил монах.

— Никогда так больше не говори. Жизнь может невзначай услышать и дать в следующий раз меньше, — ответил Алхимик и повернулся к Сантьяго. — А это тебе, взамен тех денег, что достались вождю.

Юноша тоже хотел сказать, что это золото стоит гораздо больше, но смолчал.

— Это мне, — продолжал Алхимик. — Я должен вернуться домой, а в пустыне идет война.

Четвертый кусок он снова протянул монаху:

— Это — тоже для Сантьяго. Может, понадобится.

— Но ведь я иду за сокровищами! — воскликнул тот. — И я уже совсем близко!

— И я уверен, что ты их найдешь, — сказал Алхимик.

— Но тогда зачем мне золото?

— Потому что ты уже дважды лишился всего, что имел. В первый раз тебя обманул мошенник, во второй обобрал вождь. Я старый суеверный араб и верю в правоту нашей пословицы, а она гласит: „Что случилось однажды, может никогда больше не случиться. Но то, что случилось два раза, непременно случится и в третий“.

Они сели на коней.

— Хочу рассказать тебе историю о снах, — молвил Алхимик. — Подъезжай поближе.

Юноша повиновался.

— Так вот, жил да был в Древнем Риме, во времена императора Тиберия, один добрый человек, и было у него два сына. Один стал воином и отправился служить на самую дальнюю окраину империи. Второй писал стихи, приводившие в восхищение весь Рим.

Однажды старику приснился сон, будто к нему явился небесный вестник и предрек ему, что слова, написанные одним из его сыновей, будут известны во всем мире, и люди спустя много сотен лет будут повторять их. Старик заплакал от счастья: судьба была к нему щедра и милостива, ибо даровала высшую радость, какую только может испытать отец.

Вскоре он погиб — пытался спасти ребенка из-под тяжелой повозки, но сам попал под колеса. Поскольку жизнь он вел праведную, то прямо отправился на небеса, где повстречал вестника, явившегося к нему во сне.

— Ты был добрым и хорошим человеком, — сказал он ему. — Жизнь твоя была исполнена любви, а смерть — достоинства. Я могу выполнить любую твою просьбу.

— И жизнь была ко мне добра, — отвечал старик. — Когда ты явился мне во сне, я почувствовал, что все мои усилия были не напрасны. Ибо стихи моего сына будут переходить из поколения в поколение. Для себя мне просить нечего, но всякий отец гордился бы славой того, кого он пестовал, учил и наставлял. А потому мне бы хотелось услышать в далеком будущем слова моего сына.

Вестник прикоснулся к его плечу, и оба они в мгновение ока очутились в далеком будущем — в огромном городе, среди тысяч людей, говоривших на неведомом языке.

Старик опять прослезился от радости.

— Я знал, что стихи моего сына переживут века, — сквозь слезы сказал он. — Ответь мне,

какие его строки повторяют все эти люди.

Вестник ласково усадил старика на скамейку и сам сел с ним рядом.

— Стихи твоего сына прославились на весь Рим, все любили их и наслаждались ими. Но кончилось царствование Тиберия, и их забыли. Люди повторяют слова другого твоего сына — того, что стал воином.

Старик воззрился на вестника с недоумением.

— Он служил в одной из далеких провинций, — продолжал тот. — И стал сотником. Он тоже был справедлив и добр. Как-то раз заболел один из его рабов — он был при смерти. Твой сын, услышав, что появился некий целитель, пустился на поиски этого человека. А по пути узнал, что этот человек — Сын Божий. Он встретил людей, исцеленных им, услышал его учение и, хоть и был римским сотником, перешел в его веру. И вот однажды утром предстал перед ним. И рассказал, что слуга его болен. И Учитель — как называли этого человека — собрался идти за ним. Но сотник был человеком веры, и, заглянув в глаза Учителю, он понял, что стоит перед Сыном Божиим. Вот тогда твой сын и произнес слова, которые не позабудутся во веки веков. Он сказал так: *“Господи! Я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой”*.

Алхимик тронул лошадь.

— Каждый человек на земле, чем бы он ни занимался, играет главную роль в истории мира. И обычно даже не знает об этом.

Сантьяго улыбнулся. Он никогда не думал, что жизнь может быть так важна для пастуха.

— Прощай, — сказал Алхимик.

— Прощай, — ответил юноша.

Два с половиной часа Сантьяго ехал по пустыне, внимательно прислушиваясь к тому, что говорило сердце. Именно оно должно было указать ему, где спрятаны сокровища. „Где сокровища, там будет и твое сердце“, — сказал ему Алхимик.

Но сердце говорило о другом. С гордостью оно рассказывало историю пастуха, бросившего своих овец, чтобы сделать явью дважды приснившийся сон. Напоминало о Своей Стезе и о многих, одолевших ее, — о тех, кто отправлялся на поиски новых земель или красавиц и противостоял рассудку и предрассудкам своих современников. Оно говорило о великих открытиях, о великих переменах, о книгах.

И только когда Сантьяго начал подниматься по склону бархана, сердце прошептало ему: „Будь внимателен. Там, где ты заплачешь, буду я, а значит, и твои сокровища“.

Юноша взбирался медленно. На усыпанном звездами небе снова появилась полная луна — целый месяц шел он по пустыне. Луна освещала бархан, и тени играли так причудливо, что пустыня казалась волнующимся морем, и Сантьяго вспоминал тот день, когда, простившись с Алхимиком, бросил поводья и дал своему коню волю. Луна освещала безмолвие пустыни и оставшийся позади путь, свершаемый теми, кто ищет сокровища.

Когда через несколько минут он поднялся на вершину, сердце его вдруг отчаянно заколотилось. Перед ним, освещенные луной и белизной песков, величественно высились пирамиды.

Сантьяго упал на колени и заплакал. Он возблагодарил Бога за то, что тот дал ему поверить в Свою Стезю, свел его с Мелхиседеком, с Продавцом Хрустала, с англичанином, с Алхимиком и — главное — что дал ему повстречать женщину пустыни, женщину, которая заставила его поверить в то, что любовь никогда не отлучит человека от его Стези.

С высоты тысячелетий смотрели на юношу пирамиды. Теперь он, если пожелает, может вернуться в оазис, жениться на Фатиме и пасти овец. Жил же в пустыне Алхимик, который знал Всеобщий Язык и умел превращать свинец в золото. Сантьяго некому показывать свое искусство, некого дивить плодами своей мудрости: следуя Своей Стезью, он выучился всему, что было ему нужно, и испытал все, о чем мечтал.

Но он искал свои сокровища, а ведь считать дело сделанным можно, лишь когда достигнута цель. Юноша стоял на вершине и плакал, а когда посмотрел вниз, увидел: там, куда падали его слезы, ползет жук-скарабей. За время странствий по пустыне Сантьяго узнал, что в Египте это символ Бога.

Еще один знак был подан ему, и юноша принялся копать, но сначала вспомнил Торговца Хрусталем и понял, что тот был неправ: никому не удастся построить пирамиду у себя во дворе, даже если весь свой век будешь громоздить камень на камень.

Всю ночь он рыл песок в указанном месте, но ничего не нашел. С вершин пирамид безмолвно смотрели на него тысячелетия. Однако он не сдавался — копал и копал, борясь с ветром, который то и дело снова заносил песком яму. Сантьяго выбился из сил, изранил руки, но продолжал верить своему сердцу, которое велело искать там, куда упадут его слезы.

И вдруг в ту минуту, когда он вытаскивал из ямы камни, послышались шаги. Сантьяго обернулся и увидел людей — их было несколько, и они стояли спиной к свету, так что он не мог различить их лиц.

— Что ты здесь делаешь? — спросил один.

Юноша ничего не ответил. Страх охватил его, ибо теперь ему было что терять.

— Мы сбежали с войны, — сказал другой. — Нам нужны деньги. Что ты спрятал здесь?

— Ничего я не спрятал, — отвечал Сантьяго.

Но один из дезертиров вытащил его из ямы, второй обшарил его карманы и нашел слиток золота.

— Золото! — вскричал он.

Теперь луна осветила его лицо, и в глазах грабителя Сантьяго увидел свою смерть.

— Там должно быть еще! — сказал второй.

Они заставили Сантьяго копать, и ему пришлось подчиниться. Но сокровищ не было, и тогда грабители принялись бить его. И били до тех пор, пока на небе не появился первый свет зари. Одежда его превратилась в лохмотья, и он почувствовал, что смерть уже близка.

Ему вспомнились слова Алхимика: „Зачем тебе деньги, если придется умереть? Деньги и на мгновение не могут отсрочить смерть“.

— Я ищу сокровища! — крикнул Сантьяго.

С трудом шевеля разбитыми и окровавленными губами, он рассказал грабителям, что во сне дважды видел сокровища, спрятанные у подножья египетских пирамид.

Тот, кто казался главарем, долго молчал, а потом обратился к одному из подручных:

— Отпусти его. Ничего у него больше нет, а этот слиток он где-нибудь украл.

Сантьяго упал. Главарь хотел заглянуть ему в глаза, но взгляд юноши был устремлен на пирамиды.

— Пойдемте отсюда, — сказал главарь остальным, а потом обернулся к Сантьяго: — Я оставлю тебя жить, чтобы ты понял, что нельзя быть таким глупцом. На том самом месте, где ты сейчас стоишь, я сам два года назад несколько раз видел один и тот же сон. И снилось мне, будто я должен отправиться в Испанию, отыскать там разрушенную церковь, где останавливаются на ночлег пастухи со своими овцами и где на месте ризницы вырос сикомор. Под корнями его спрятаны сокровища. Я, однако, не такой дурак, чтобы из-за того лишь, что мне приснился сон, идти через пустыню.

С этими словами разбойники ушли.

Сантьяго с трудом поднялся, в последний раз взглянул на пирамиды. Они улыбнулись ему, и он улыбнулся в ответ, чувствуя, что сердце его полно счастьем.

Он обрел свои сокровища.

Эпилог

Юношу звали Сантьяго. Было уже почти совсем темно, когда он добрался до полуразвалившейся церкви. В ризнице по-прежнему рос сикомор, а через дырявый купол, как и раньше, видны были звезды. Он вспомнил, что однажды заночевал здесь со своей отарой, и, если не считать сна, ночь прошла спокойно.

Сейчас он снова был здесь. Но на этот раз он не пригнал сюда овец. В руках у него была лопата.

Он долго глядел на небо, потом вытащил из котомки бутылку вина, сделал глоток. Ему вспомнилось, как однажды ночью в пустыне он тоже смотрел на звезды и пил вино с Алхимиком. Подумал о том, сколько дорог уже осталось позади, и о том, каким причудливым способом указал ему Бог на сокровища. Если бы он не поверил снам, не встретил старую цыганку, Мелхиседека, грабителей...

„Список получается слишком длинный. Но путь был отмечен вехами, и сбиться с него я не мог“, — подумал он.

Незаметно для себя он уснул. А когда проснулся, солнце было уже высоко. Сантьяго стал копать под корнями сикомора.

„Старый колдун, — подумал он об Алхимике, — ты все знал наперед. Ты даже оставил второй слиток золота, чтобы я мог добраться до этой церкви. Монах рассмеялся, когда увидел меня, оборванного и избитого. Разве ты не мог меня избавить от этого?“

„Нет, — расслышал он в шелесте ветра. — Если бы я предупредил тебя, ты не увидел бы пирамид. А ведь они такие красивые, разве не так?“

Это был голос Алхимика. Юноша улыбнулся и продолжал копать. Через полчаса лопата наткнулась на что-то твердое, а еще час спустя перед Сантьяго стоял ларец, полный старинных золотых монет. Там же лежали драгоценные камни, золотые маски, украшенные белыми и красными перьями, каменные идолы, инкрустированные бриллиантами, — трофеи завоеваний, о которых давным-давно забыла страна, добыча, о которой ее владелец не стал рассказывать своим детям.

Сантьяго вытащил из сумки Урим и Тумим. Они лишь однажды, в то утро на рынке, пригодились ему: жизнь и без них давала ему верные знаки.

Он положил их в ларец — это тоже часть его сокровищ: камни будут напоминать ему о старом царе, которого он никогда больше не встретит.

„Жизнь и в самом деле щедра к тем, кто следует Своей Стезей, — подумал он и вспомнил, что надо пойти в Тарифу и отдать десятую часть старой цыганке. — Как мудры цыгане! Должно быть, оттого, что много странствуют по свету“.

Он снова ощутил дуновение ветра. Это был „левантинец“, прилетевший из Африки, но на этот раз он не принес с собой запах пустыни, не предупреждал о нашествии мавров. Теперь Сантьяго различил в нем такой знакомый аромат, звук и вкус медленно приближавшегося и наконец осевшего у него на губах поцелуя.

Юноша улыбнулся: то был первый поцелуй Фатимы.

— Я иду, — сказал он, — иду к тебе, Фатима.